

633
130

Рос-ЧТЮМ)

Александр ПЕТРУШИН

Раследование обстоятельство сокрытия в 1919—1922 годах в Среднем
Приобье и на Обском Севере ценностей Сибирского белого движения

**На задворках
гражданской войны**

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

2004

107
П8

1

63.3(2Рос-4Тюм)
ПЗО

ПЕТРУШИН Александр Антонович

На задворках гражданской войны

Книга первая

ЭК

— 65616 —

**Мандр и К^о
Тюмень
2003**

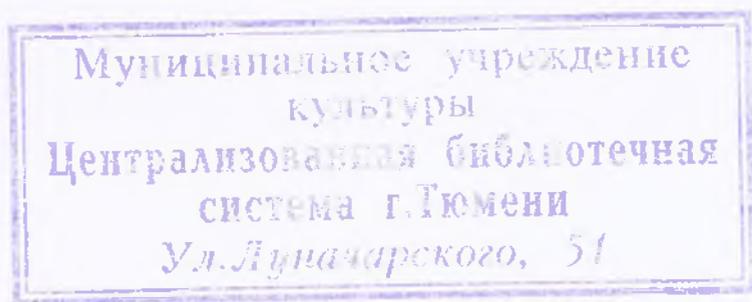
ББК 83.3

П 30

П 30 ПЕТРУШИН Александр Антонович
На задворках гражданской войны:
Книга первая — Тюмень: Мандр и К^а, 2003.
— 184 с. + ил. 24 с.

На основании ранее недоступных документальных материалов автор, полковник ФСБ Александр Петрушин, дает новую историческую оценку событий 1917–1922 годов в нашем крае. В центре повествования — история сокрытия золота тюменских купцов, сокровищ царской семьи Романовых, драгоценной церковной утвари и ценностей Сибирского белого движения.

Адресована массовому читателю.

© Петрушин А. А., 2003.

© Дыба В.В. (дизайн), 2003.

© Мандр и К^а (оформление), 2003.

ISBN 5-93020-152-8

От автора

Так уж люди устроены: дорогое на виду не держат. А в лихолетье — прячут. Подальше от проезжих дорог — за околицей, на задворках, на куличках. Так когда-то называли поляны посреди болот, заболоченные и заброшенные пашни. По русским поверьям, это были излюбленные обиталища нечистой силы.

Места неприметные, а притягивают. События неяркие, а возбуждают. Потому что тайна...

Об авторе

Александр Антонович Петрушин родился 15 марта 1950 года в деревне Новотроицк Нижнетавдинского района Тюменской области. Окончил Тюменский педагогический институт и Высшие курсы КГБ СССР. Работал учителем в школе, служил в армии, с 1975 года — в органах государственной безопасности. Был заместителем начальника Сургутского отдела КГБ, начальником отдела ФСБ по Ханты-Мансийскому автономному округу. Сейчас он — заместитель начальника Регионального управления ФСБ по Тюменской области. Полковник. Член Союза журналистов России. Автор книги «Мы не знаем пощады» (известные, малоизвестные и неизвестные события из истории тюменского края по материалам ВЧК—ГПУ—НКВД—КГБ) (1999 г.) и документальных фильмов: «Приди и возьми» (о ссылке в Обдорск МХАТа), «Мальчиш останется Мальчишем» (Павлик Морозов: правда и домыслы), «Главная тайна разведчика Николая Кузнецова» и др.

Пропавшие ордена

В сентябре 1991 года при передаче на государственное хранение архивных документов КГБ в фондах Тюменского управления госбезопасности обнаружили чекистскую ориентировку 20-х годов — описание орденов «Освобождение Сибири» и «Возрождение России».

В дореволюционной российской наградной системе таких орденов не было. Значит, их учредили лидеры Сибирского белого движения. Но кто? И когда?

Серьезных исследований о наградах противоборствующей стороны не существовало. Исключение: книга П. Пашкова, изданная в 1961 году в Париже, — «Ордена и знаки отличия Гражданской войны 1917—1922 гг.».

Автор беседовал с ветеранами белого движения, читал их воспоминания и эмигрантскую прессу. Но в советские архивы заглянуть не мог. Так что приведенные им

сведения, хоть и проверенные показаниями очевидцев, требовали документального подтверждения.

В добровольческих белых формированиях начального периода гражданской войны существовал принцип, который гласил о невозможности награждения старыми царскими орденами за отличия в боях русских против русских.

Возникла проблема: с одной стороны, требовались награды, а с другой — возникали моральные возражения против их вручения.

Сомнения по поводу того, насколько этично награждать царскими орденами, и в первую очередь орденом св. Георгия и Георгиевским крестом, участников гражданской войны на всех белых фронтах, решались схоже — путем учреждения новых, собственных орденов и медалей.

История создания, статусы и сами эти знаки отличия давно известны специалистам и многократно описаны, в том числе и Пашковым. Только о сибирских орденах ходили путаные слухи. Пашков пишет: «Об ордене «Освобождение Сибири» сведения чрезвычайно скудны и, надо полагать, не особенно достоверны».

Германский исследователь Клитман, ссылаясь на информацию, полученную им

от генерал-лейтенанта Сахарова, говорит, что орден «Освобождение Сибири» действительно существовал, представлял собою золотую звезду, украшенную зеленым малахитом, и награждены им были всего несколько лиц. Учредило этот орден «Всероссийское временное правительство», так называемая «Директория», образовавшаяся в сентябре 1918 года в Уфе и в октябре того же года переехавшая в Омск. Просуществовала эта «Директория», однако, недолго, была свергнута в ноябре, и адмирал Колчак провозглашен Верховным правителем России.

Еще один зарубежный исследователь истории наград белого движения Д. Петерс относит сибирские ордена к эпохе Колчака. Мол, генерала Сахарова чуть-чуть подвела память.

Но при этом Петерс противоречит сам себе, вернее, цитируемому им приказу № 110, изданному Колчаком в декабре 1918 года, на заре своей деятельности. Адмирал велит «восстановить день празднования св. Великомученика и Победоносца Георгия и считать этот день праздником для всей Русской Армии». В феврале 1919 года, как следует из опубликованных Петерсом «Правил», офицеров и солдат колчаковской армии стали награждать орденом св. Георгия,

Георгиевскими крестами и Георгиевским оружием. Тогда же Колчак произвел в генералы наиболее талантливых командиров, выдвинувшихся на Восточном фронте.

Военный министр барон Будберг записал в своем дневнике: «Лавры Пермской победы вскружили всем головы, посыпались награды, на фронте имеется уже несколько кавалеров св. Георгия III степени; бывшие штабс-капитаны сделались генерал-лейтенантами...». Так что Колчак считал излишними сомнения своих соратников по белому делу о моральной стороне награждений в гражданской войне.

Для самого адмирала также нашелся знак ордена св. Георгия III степени, и на последних фотографиях он снят уже с этой наградой.

Поэтому объявлять в феврале 1919 года, как считает Петерс, конкурс на проект двух орденов — «Освобождение Сибири» и «Возрождение России» — Колчаку не было необходимости.

Бывший главнокомандующий колчаковской армией Сахаров, выпустивший в 1923 году в Мюнхене книгу «Белая Сибирь», ошибся в другом: новые ордена учредила не «Директория», а предшествовавшее ей Временное сибирское правительство. Оно было создано 23 июня 1918 года в занятом

восставшими против советской власти чехословаками и белогвардейцами Томске на совещании Сибирской областной думы. Его возглавил П.В. Вологодский. 6 июля был обнародован декрет о государственной самостоятельности Сибири. Тогда же Временное Сибирское правительство отменило царскую наградную систему и учредило свои ордена.

Описание ордена «Освобождение Сибири» таково: «Общая форма ордена — сильно стилизованная снежинка. В центре ордена — сибирский герб с присоединенным к нему сверху гербом России. Между концами ордена изображены: вверху кедровые ветки с шишками, а под ними два горностая, в нижней части — головы мамонтов. Ордена с мечами — военные, без них — гражданские».

Вологодский и его сторонники считали Сибирь основой экономического и духовного возрождения России. Не случайно был учрежден еще один орден — «Возрождение России» четырех степеней. «Общая форма этого ордена — равноконечный крест, но как бы с набитыми наконечниками древнерусских копий. В центре ордена в лавровом венке — птица Феникс, расправляющая крылья. На правом и левом концах начертан девиз: «В единстве — возрожде-

ние». Ордена разных степеней отличались размерами и материалами изготовления.

Судьба этих наград оказалась короткой и печальной. После военного переворота 18 ноября 1918 года их упразднили. Излюбленное в сибирской символике сочетание белого и зеленого было жестко и решительно изгнано из вооруженных сил: бело-зеленые кокарды на головных уборах, шевроны на левом рукаве формы, обшивки гимнастеров, словом, все, что напоминало о былой автономии Сибири. Возможно, и невыдача сибирских орденов с их характерной территориально-природной чеканкой также стала следствием этой политики. Колчак, как непримиримый противник любой самостоятельности, распорядился приобщить к золотому запасу России изготовленные из драгоценных металлов сибирские награды и хранить их в церковных кладовых Тобольска вместе с драгоценной храмовой утварью.

Призрак «золотого парохода»

В августе 1919 года, когда к Тобольску подступила 51-я стрелковая дивизия В.К. Блюхера, командующий 1-й Сибирской армией генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев объявил эвакуацию всех гражданских учреждений. Местом эвакуации был опреде-

лен Сургут. По приказу начальника гарнизона — уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия в городах Тобольске, Березове и их уездах штабс-капитана Киселева на пароходы грузили в первую очередь «народные святыни и ценности отделений Государственного банка, казначейств и сберегательных касс».

Управляющие этих учреждений Н.Г. Черняховский и А.И. Иванов направили в Министерство финансов в Омск тревожную телеграмму: «...Приказано завтра 27 августа эвакуироваться в Сургут Тобольской губернии на Оби. Этот город находится на расстоянии 5 верст от пристани, сообщение на лодках, в которых придется перевозить массу ценностей, в том числе много звонкой монеты. Город представляет рыбачий поселок с 1100 чел. жителей, ни одного каменного здания; ценностей для безопасного хранения сложить негде; возможность быть оставленными со всеми ценностями, имуществом и служащими на пустынном берегу Оби, при военной охране всего 30 человек, вынуждает нас решительно доложить, что при опасных условиях возлагаемая законом ответственность с нас должна быть снята, так как за сохранность находящихся в нашем ведении ценностей

и другого имущества мы поручиться не можем.

...Подтверждая невозможность и большую опасность во всех отношениях эвакуироваться в пустынный и голодный Сургут, с которым сообщение будет прервано через один месяц на всю зиму, настоятельно ходатайствуем о принятии самых экстренных мер для направления всех учреждений Министерства финансов и частных кредитных учреждений на пароходе «Иван Корнилов» в Омск».

Но маршруты эвакуации не изменились, и пароходы отправились по Тоболу, Иртышу и Оби в Сургут. Среди них были пароходы «Ростислав» и «Пермяк», на которых под охраной отряда тобольского коменданта Киселева находились «серебряная вызолоченная рака из-под мощей Иоанна Тобольского весом в 35 пудов», реликвии православной Сибири и Сибирского белого движения — ордена «Освобождение Сибири» и «Возрождение России» и другие церковные ценности.

Ранняя зима застала эвакуированные пароходы возле села Тундрино Сургутского уезда. Захватив с собой опись ценностей, вооруженное сопровождение каравана по зимнику отступило на Нарым. А сокровища? Спрятаны в тайнике? Утоплены в проруби? Переданы на хранение? Но кому?

Известно одно: ценности Сибирского белого движения и драгоценная церковная утварь не найдены. Поэтому ни в одной коллекции отечественных и иностранных фалеристов нет пропавших сибирских орденов. Попытки отыскать их предпринимались — секретная чекистская ориентировка, датированная 1922 годом, тому подтверждение. Тогда губернские и уездные чрезвычайные комиссии и сменившие их отделы ГПУ в Сибири и на Урале активно занимались кладоискательством. Основанием для обысков и раскопок служили многочисленные доносы завистливых соседей и донесения секретных осведомителей. Архивные документы и воспоминания старых чекистов свидетельствуют: из Тюмени почти ежедневно в Москву на Лубянку отправлялись курьеры с ценными посылками.

Немало золота присваивалось проникшими в спецслужбы авантюристами, проходимцами и маньяками. В октябре 1919 года Тюменский военно-революционный комитет информировал Сибревком «о необходимости очищения губчека от политически сомнительных элементов, направления ее работы по прямому назначению — борьбе с доподлинной белогвардейщиной и контрреволюцией».

По заключению особой следственной комиссии ВЧК, «председатель Тюменской губчека С.А. Комольцев, заведующий секретно-оперативным отделом П.Ф. Зернин, председатель Тобольской уездной ЧК Б.В. Падерня, уполномоченный по Ялуторовскому уезду В.Ф. Залевин, комиссары губчека К.И. Сирмайс, И.И. Добилас, А.И. Ратнек, Д.И. Синцев, комендант здания губчека Г.С. Иноземцев, кладовщики Г.А. Ваксберг и К.Ф. Зернин расхищали разные вещи, изъятые при обысках... Комольцеву досталось двое золотых часов, золотые браслет, цепочка, кольца... Падерне — золотые кольца с камнями и без оных, шейная цепь с жемчугами, брошка с эмалью...».

От начальства не отставали и подчиненные: «Ратнек проявил себя настоящим хищником, присваивая драгоценности, причем его нахальство дошло до того, что он сделал себе красноармейский знак из награбленного серебра и золота».

Расхитителей ценностей безжалостно расстреливали. Не помогало.

Из письма заместителя председателя ВЧК Я.Х. Петерса В.И. Ленину: «Дорогой Владимир Ильич!.. Мною запрещено забирать при арестах что-либо, кроме вещественных доказательств. Но наш русский человек рассуждает: я разве не заслужил тех

брюк и ботинок, которые до сих пор носил буржуа. Ведь это моим трудом добыто. Значит, я беру свое. И греха тут нет. Отсюда частые поползновения.

Не помогают даже расстрелы сотрудников. Смерть стала уже слишком обыкновенным явлением».

В начале 30-х годов в Тобольске и его окрестностях чекисты разыскали сокровища царской семьи Романовых, спрятанные во время их ссылки. Нашли многое, но не все. Усыпанная бриллиантами шпага наследника Алексея, вывезенная царским духовником В.А. Хлыновым вместе с церковными ценностями на восток, пропала. На допросах в ГПУ Хлынов подтвердил речной маршрут пароходов до Тундрино. Дальше «золотой» след обрывался.

Находка деда Василия

В октябре 2000 года 75-летний житель села Чемаша Октябрьского района Ханты-Мансийского автономного округа В.А. Селиванов сообщил в местные органы ФСБ об обнаружении кургана, на вершине которого таежные птицы выгребли несколько золотых монет царской чеканки.

Десант чекистов и археологов не смог тогда из-за непогоды высадиться в глухой тайге. Но специальное оборудование опре-

делило искусственный характер возвышения. Смущало только одно обстоятельство: слишком далеко этот курган от Тундрино.

Но почему клад надо искать обязательно на территории бывшего Сургутского уезда? Да, тот же Хлынов, отступивший после раннего ледостава на Оби в обозе отряда штабс-капитана Киселева в Сибирь, утверждал: двух больших и четырех маленьких ящиков с драгоценностями с ними не было.

Тогда кроме развалившегося Восточного фронта адмирала Колчака существовал достаточно стабильный Северный фронт генерала Миллера со спокойным и хлебным березовским тылом. И если 14 ноября 1919 года красная 27-я стрелковая дивизия Блажевича вошла в Омск, а белый Томск пал 20 декабря, то Березов был оставлен колчаковцами в новогоднюю ночь 1920 года.

Ценный груз вполне могли переместить по зимнику в Березовский уезд. Поэтому верховья реки Малая Сосьва, где старый охотник обнаружил загадочный курган, современные кладоискатели исследовали в июле 2002 года.

«Целью натуральных изысканий, — отмечено в отчете экспедиции, — ставилось обнаружение с реки ориентиров, отмеченных проводником Селивановым, и обследо-

ние объекта, имеющего вид насыпанной из земли пирамиды, скрывающей в себе, по мнению последнего, вывезенные в 1919 году из Тобольска и утерянные в процессе транспортировки ценности. В связи с сомнениями проводника в точности выбранного им западного ориентира высадку группы вертолетом произвели в 25 километрах выше по реке Малая Сосьва от намеченного пункта — в районе кордона «Западный» заповедника «Малая Сосьва». Общая протяженность маршрута по реке составила около 150 километров.

В ходе осмотров берегов ни один из ориентиров проводником не был определен. Он путал расстояние, название рек и ручьев. Например, по его данным, между пунктом Хангокорт и порогом Тунифеш около двух километров, а на местности оказалось около 62 километров.

Дополнительная информация по существу цели экспедиции была получена от егеря заповедника «Малая Сосьва» П.К. Дунаева. Выяснилось, что местность, о которой говорил Селиванов, предположительно находится в 100—110 километрах (выше по реке) от места высадки группы. Кроме того, фигурирующая в деле монета, обнаруженная им на кургане и являющаяся основным доводом в пользу сокрытого в нем

клада, не является здесь редкостью. По словам Дунаева, четыре подобных монеты найдены в развалинах мансийского лабаза на реке Ева-Юган. В районе этой реки и определенлся по названным проводником ориентирам участок, где мог находиться интересующий нас курган.

...Напрямую от реки Оби до кургана около 140 километров. По тракту Ивдель—Обь, действовавшему в то время (1919—1920 гг.), — намного больше. Кроме того, тракт был проходим с установления зимника в начале декабря. Едва ли можно было доставить подводами ценный груз по неустойчивому еще зимнику на столь дальнее расстояние (от Сургута), ведь исторические события (отход белых от Тобольска) происходили осенью, еще до ледостава.

Полученные экспедицией данные ставят под сомнение информацию Селиванова о нахождении в верховьях Малой Сосьвы сокрытых в конце 1919 года ценностей. Указанный им курган является останцем коренной террасы естественного происхождения, но приспособленный коренным населением для совершения культовых, языческих церемоний. Этим и объясняется обнаружение здесь монет».

Результаты этой экспедиции разочаровали многих энтузиастов-кладоискателей.

Но только не меня. Оценив на месте природные климатические особенности речного края, я еще больше утвердился: пропавшие драгоценные реликвии Сибирского белого движения меняли своих владельцев. И не единожды.

По «мифному» полю истории

Всякий нормальный человек мечтает найти клад. Необязательно глиняный горшок с золотыми и серебряными монетами. Встретить надежного друга, верную подругу, отыскать любящие сердце и душу — дорогого стоят. «Сущий клад» — так говорили в порыве нежности. Или: «Не нужен клад, когда в семье лад».

Сегодня кладоискательство переживает очередное всеобщее явление. Его уже признали вспомогательной источниковедческой исторической дисциплиной. Во всемирной сети Интернет открыто больше трех десятков отечественных кладоискательских сайтов. Создано несколько объединений кладоискателей, самое авторитетное историко-изыскательское общество «Раритет» в Москве насчитывает около 300 членов. Изданы книги о кладоискательстве, одну из них, «Добыча тамо... Записки кладоискателя», написал президент «Раритета» Н.М. Соловьев. Сняты телесериалы о поисках

золота Колчака. Такой фильм есть на счету телекомпании «Югра». В год в России продается около 500 металлодетекторов, не имеющих никакого хозяйственного предназначения, кроме кладоискательства. Русские поля и перелески еще хранят в глубинах земли немало реликвий. Только в районе Тобольска ежегодно находят один-два клада.

Но уже звучит тревога: на всех кладов не хватит. Это как искать. Крестьяне из повести А. Рыбакова «Бронзовая птица» годами перекапывали Голыгинскую гать и окрестные леса в поисках сокровищ полусумасшедшего графа Карагаева. А умные пионеры провели несколько дней и ночей в библиотеке и краеведческом музее и, разгадав символику графского фамильного герба, нашли драгоценную шкатулку.

Так что одним кладоискателям шагать по тайге с металлодетектором и лопатой, а другим — сидеть в пыльных архивохранилищах. Никакой романтики и экстрима? Кому как. Наша отечественная история послеоктябрьского 1917 года — сплошное минное, точнее, мифное поле. Перелистываешь ранее недоступные архивные документы, и рвутся, лопаются исторические мифы.

На местности клады искать легче, потому что ориентиры есть: полуразрушенные

старинные строения, вековые одиночные деревья, замшелые валуны, курганы... Современная статистика утверждает: в тридцать одном проценте кладоискатели добились успеха. Были бы здоровье да интерес.

В нашей новейшей истории почти нет ориентиров. Безликая история. Только даты да исторические символы: «белые», «красные», «герои революции», «враги народа»... А без людей в истории клад не найдешь. Придется персонифицировать и «героев», и «врагов», все они люди: жили, любили, страдали... Через их судьбы «золотая» ниточка потянется туда, на задворки истории. На этом пути — завалы исторических мифов и плакатно-идеологические укрепления типа: «свержение царизма», «красногвардейская атака на капитал», «триумфальное шествие советской власти»...

Но в нашем небедном крае это «шествие» больше походило на нашествие.

«Золото — прах на подошвах истории»

Так считает кладоискатель из Краснодарского края Юрий Харчук. Его голубая мечта — разыскать золото Кубанской рады.

История этих сокровищ такова. В октябре 1917 года, несмотря на протесты Временного правительства, Краевая казачья рада приняла решение об образовании самостоятельной Кубанской республики. В феврале 1918 года к Екатеринодару (сейчас Краснодар) подступили красные отряды. Перед краевым правительством стал вопрос: что делать с кубанской казной? Ценные акции, золотые чаши, кресты, кадильницы, иконы в золотых ризах, драгоценности и реликвии Кубанского казачьего войска, украшенные жемчугом и самоцветами, — все это находилось в Екатеринодаре для финансирования военных действий русской армии на турецком фронте первой мировой войны. Решили вывезти. Погрузили ценности на 80 подвод. Даль-

нейшая судьба казны неизвестна. Исследователи уверены: сокровища не были переправлены за границу. По данным парижского международного клуба кладоискателей «Сокровища вокруг нас», золото Кубанской рады хотели вывезти через порт Ейска в Крым, но не получилось. Французы предлагали местным властям купить патент на поиск этого клада, но в России нет закона о кладоискательстве.

«Для большинства кладоискателей, — продолжает Харчук, — найти сундук с золотом — не главное. Они даже боятся этого. Потому что тогда придется либо драпать за границу, либо отдать клад государству и приобрести репутацию идиота». В кладоискательстве самое интересно то, что вокруг да около сокровищ: изучение проблемы, поиск архивных документов — клады всегда связаны с драматическими событиями истории, в спокойное время люди в землю богатства не зарывают.

Клад — устойчивый образ древней языческой мифологии. Испокон веков хранители сокровищ старались застраховать сохранность богатств при помощи нечистой силы. Независимо от того, существует эта сила в реальности или нет, первобытный страх перед ней жив даже в самом продвинутом современном кладоискателе. Соглас-

но народным поверьям есть клады чистые и заклятые. Заклятый клад может страдать, стонать, плакать, появляться в виде людей и животных, уходить в землю, вылезать из воды на просушку, отводить глаза, гореть по ночам костром. Случалось и так, что завещатель при сокрытии клада делал заклинание, что клад зарывается на сорок голов. Это значит, что сорока кладоискателям он будет причинять смерть, и только сорок первый получит его беспрепятственно.

Может быть определен конкретный срок хранения клада — 50, 85, 100 лет. Но когда оговоренное время пребывания в земле закончится, клад может обратиться в человека или животное и бродить по земле, искать хозяина или просто доброго человека. Известны случаи, когда клад подходил к людям, просил помочь ему. В каком бы виде он не появился, первое, что нужно сделать, чтобы им воспользоваться, — наотмашь ударить его. И тогда он рассыплется деньгами. Если этого не сделать, клад исчезнет навсегда.

Заказная революция

Считалось, что советская власть в Тюмени была установлена 7 марта 1918 года (по новому стилю) легитимным путем. При этом признавалось, что «порядок в городе помогли навести прибывшие в Тюмень из Перми, Екатеринбурга и Омска революционные отряды».

В числе этих вооруженных формирований был 1-й Северный летучий морской карательный отряд, состоявший из моряков-балтийцев и солдат 17-го Сибирского пехотного полка. Его возглавляли помощник секретаря технического отдела Петроградского военно-революционного комитета Запкус, именовавший себя «комиссаром Северного района Европейской России и Западной Сибири», и его заместители — моряки Журба, Кириллов и Хохряков.

По требованию Ленина этот отряд в ноябре 1917 года был направлен из Петрограда по железной дороге на восток для уста-

новления советской власти на местах и пополнения революционной казны.

В докладе Вятского губернского комиссара военно-революционного комитета и исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов от 6 декабря 1917 года записано: «Сегодня в 10 часов вечера прибыл на станцию Вятка северный летучий отряд, который поможет нам навести здесь порядок».

О методах «наведения порядка» свидетельствует протокол общего собрания Вятского губисполкома № 11 от 24 января 1918 года «О действиях летучего отряда по делу расстрела неизвестных лиц». Комиссар летучего отряда Кириллов заявил, что расстрелянные лица были воры и расстрел был произведен по просьбе тысячной толпы... На вопрос, доказано ли, что расстрелянные были воры, Кириллов считает достаточным «сознание расстрелянных под ударами плетки».

После отъезда Запкуса на Урал его заместителем в Вятской губернии остался Журба, который разогнал местные Советы, производил обыски, аресты и расстрелы. Конфискации, контрибуции и реквизиции достигли при нем невиданных размеров.

Из Екатеринбурга летучий отряд Запкуса отправился в Оренбург. По приказу ко-

миссара моряки и красногвардейцы согнали в центральную гостиницу города хорошо одетую публику и предложили... откупиться. Присутствовавший при этом председатель губисполкома Цвиллинг шутливо бросил: «Смотри-ка, какой улов-то у нас! Откупаются. Хотя и неохотно. Вот с этого миллиончик возьмем», — показал он глазами на старика-торговца Деева.

Состоятельные горожане ждали, когда из дома принесут деньги, вносили их тут же кассиру, получали расписку, а с нею и свободу. На очереди стояла Тюмень.

Начальник Тюменской уголовной милиции Н.Н. Кислицкий успел составить рапорт «Об обстоятельствах захвата власти в Тюмени большевиками 27 февраля нового стиля в 10 часов утра». «Самого Кислицкого, — дописали в рапорте его подчиненные, — сразу же увели на станцию Тюмень в карательный отряд известного палача Запкуса».

Приказом № 1 Запкус объявил о введении с 4 часов дня 28 февраля 1918 года военного положения в Тюмени. Пункт 10 приказа гласил: «Все лица, замешанные в подстрекательстве к погромам, в агитации против существующей рабоче-крестьянской власти, будут без дальнейших разговоров и рассуждений в два счета на глазах всех уничтожаться».

Приказом № 4 Запкус наложил контрибуцию в размере двух миллионов рублей золотом на капиталистов Тюмени: А.М. Плотникова, А.Г. Колмакову, И.Я. Некрасова, А.Ф. Аверкиева, Мирсалимова, Г.А. Котовщикова, Плишина, А.П. Россошных, С.И. Кокольникова, И.О. Сергеева, В.А. Собенникова, Михалева, Г.Г. Иванова, Е.Д. Гусеву, В.Л. Жернакова. Причем «один миллион должен быть внесен 4 марта и один миллион — 6 марта».

В приказе оговаривалось: «половина контрибуции пойдет на содержание отрядов, а другая половина — в распоряжение Совета рабочих и солдатских депутатов Тюмени».

Очевидец тех событий Г.А. Дружинин вспоминал: «...Возвращаясь из депо, я увидел на станции около водонапорной башни группу людей. Тут же на запасном пути стоял поезд, состоящий из пассажирских вагонов: это был штаб матросов во главе с Запкусом (видимо, латыш или еврей). Этот отряд занимался сбором контрибуции с купцов Плотникова, Гусевой, Колокольникова и других. При проведении обысков адъютант Запкуса Андреев из квартиры Колокольникова присвоил золотые часы. Запкус узнал об этом от матросов. Вот этот Андреев и стоял у башни, а Запкус объяснял матросам и собравшимся зева-

кам вроде меня о случившемся. Тут же самолично у нас на глазах он расстрелял своего адъютанта. Тогда я сразу поверил в справедливость и вечность этой новой власти».

В свою очередь, финансовая комиссия Тюменского Совета рабочих и солдатских депутатов наложила на тюменскую буржуазию контрибуцию в размере 600000 рублей, причем половину взыскала наличными, а другую половину перечислила на текущий счет Совдепа.

Может, это совпадение, но в протоколе Вятского исполкома от 29 марта 1918 года записано: «Слушали: заявление Летучего отряда о выдаче вознаграждения в сумме 600000 рублей. Постановили: удовлетворить просьбу Летучего отряда».

Так что все эти «летучие», «северные», «морские» вооруженные отряды устанавливали на местах большевистский режим за деньги по определенной таксе.

Но для Запкуса дороже всех захваченных в Тюмени ценностей стал арест в доме Кривоногова на Спасской улице (ныне улица Ленина) «старика, одетого в черный пиджак, пимы и шапку с ушами» — князя Г.Е. Львова, первого премьер-министра Временного правительства России.

По рассказам самого Львова: «...Меня схватили в Тюмени в конце февраля 1918 года.

Толпа матросов и рабочих явилась встряхнуть старую сибирскую жизнь и завести новые порядки. Во главе стоял восемнадцатилетний большевистский комиссар Запкус. Началось с контрибуции — довольно увесистой, кончилось арестами и расстрелами. Для острастки в Тюмени он расстрелял без суда 32 человека и вывесил прокламацию с обещанием в дальнейшем расстреливать всех врагов коммунистической революции «в два счета».

Почему князь Львов вместе со своей теткой Евгенией Павловной Писаревой, в семье которой жил последние 12 лет, переселился в Тюмень? Причину своего переезда из Москвы в Тюмень бывший премьер-министр так объяснил чекистскому следствию: «...Для изучения и использования природных запасов этого края я после ухода в отставку создал акционерное общество. Его центральное представительство находилось в столице по улице Тверской, 61, а «Сибирское бюро» — в Тюмени на Базарной площади в помещении «Конского запаса» (сокращенно «Земконь»).

«Вы не можете себе представить, — обращался Львов к следователям, — какие богатства таятся в Сибири. Этот край вызывает к культурным силам страны, чтобы они стали на стражу местных сибирских интересов, а значит, интересов всей России».

«Сибирь, — заявил на допросе арестованный в Тюмени князь, — и сибирская жизнь мне хорошо знакома, я давно интересуюсь ею и люблю ее».

Конечно, наш город он выбрал не случайно. Здесь жил его самый близкий и верный друг Степан Иванович Колокольников, бывший член Государственной думы от Тобольской губернии.

По показаниям бывшего конторщика торгового дома Колокольниковых А.В. Некрасова, датированных июлем 1941 года: «...У Колокольникова Степана Ивановича были братья: Виктор Иванович, директор коммерческого училища в Тюмени; Антон Иванович, управляющий магазинов; Виталий (Ювеналий) Иванович был не вполне нормального рассудка, работал продавцом в магазине, расстрелян в 1918 году по приказу красного комиссара Запкуса за отказ выдать ценности... Степан Иванович имел высшее образование, был членом Государственной думы и примыкал там к социал-демократической (рабочей) фракции. Из Англии еще в 1913 году он привез жену, повара и первый в Тюмени автомобиль. К служащим, в том числе и ко мне, он относился по-доброму: к каждому празднику давал всем подарки. В общем, человек он был хороший».

Также перебравшиеся из Москвы в Тюмень Н.С. Лопухин, известный общественный деятель, и князь А.В. Голицын, популярный московский врач, отмечали в своих письмах: «...Среди новых друзей у всех нас самые близкие — братья Колокольниковы. Это крупнейшие лесники и чайники (*торговцы чаем — А.П.*), миллионеры и очень влиятельные люди, любезные свыше меры».

Князь Львов, Лопухин и Голицын не ошиблись в своих друзьях. На следующий же день после их ареста Колокольниковы, не убоявшись самодура и кокаиниста Запуска «засвидетельствовали о личном знакомстве с арестованными и выразили готовность взять их на поруки».

Служащие тюменского конского запаса («Земконь») считали «...своим нравственным долгом засвидетельствовать, что Г.Е. Львов никакими политическими делами в Тюмени заниматься не мог».

Тюменский отдел Всероссийского профсоюза врачей «удостоверял свое согласие заступиться за арестованного доктора А.В. Голицына».

Председатель правления «Общества содействия торгово-промышленному развитию Сибири» П.В. Глебов представил наркому юстиции Уральской области Поляко-

Тобольск. Отражение вечности

**Тобольск. Успенско-Софийский
кафедральный собор**

**Абалакский монастырь
сегодня**

Призрак «золотого парохода»

Находка дэда Василя.

Автор книги и главный археолог ХМАО Сергей Терехин (слева) в вертолете над картой местности (июнь 2001 г.)

Деревня, где живет дед Василий

Загадочное место не найдено.

В чем причины?

**Справа — проводник дед
Василий (октябрь 2000 г.)**

**В такой глухомани трудно
отыскать клад
(сентябрь 2002 г.)**

ву все документы, подтверждающие реальность «Общества» и должностное положение в нем арестованных.

Их защиту доверили московскому присяжному поверенному Г.И. Хундадзе, знавшему подзащитных. В своем заявлении в Наркомюст Хундадзе писал: «Мои политические убеждения хорошо известны многим представителям Совета народных комиссаров, не исключая тов. Ленина, и мой правительственный долг не покрывать, а разоблачать контрреволюционеров». И далее: «...объективное исследование организованного Львовым «общества» показало, что оно не преследует никаких политических целей, и вся его деятельность не выходит за пределы чисто коммерческих задач...». Поэтому адвокат просил «освободить арестованных до суда».

Но «комиссар Северного района Европейской России и Западной Сибири» Запкус плевал на все процессуальные особенности демократического судопроизводства. Он не подчинялся ни Тюмени, ни Екатеринбургу, ни Москве и не хотел ни с кем делиться своей «добычей».

«Из-за меня, — вспоминал князь Львов, — в отряде начались споры. Матросы хотели везти меня в Кронштадт — заложником революции. Рабочие требовали передачи

меня Екатеринбургскому совету рабочих и солдатских депутатов... В пути было трудное время. Мы жили в атмосфере убийств. У нас на глазах тащили людей из вагонов, ставили «к дровам» и расстреливали. На первых порах с нами обращались грубо, пугали, грозили. По несколько раз в день нас выводили на станциях к толпе раздраженных рабочих. Начиналось всегда с оскорблений и криков: на нас вымещали пережитые неправды. Каждый раз, выходя и слыша издевательские и злобные возгласы, мы не знали, вернемся ли в вагон... Скрепя сердце я снимал шапку, кланялся низко, желал им счастья в новой жизни, и разговор завязывался. В общем, это были все те же добрые и умные русские люди, хотя и возбужденные пропагандой. Их «классовая ненависть» привита была весьма поверхностно и ассоциировалась с пережитыми в прежнее время невзгодами. Но доброе сердце брало свое: во время беседы злоба исчезала, лица принимали человеческое выражение, появлялись улыбки, и, расходясь, они снимали шапки и желали мне удачи...

Мы пробыли в вагоне около недели. Скоро и стража наша изменила свое отношение. Угрозы и ругань прекратились. Перестали и выводить к толпе. В Екатеринбурге, оставаясь в вагонах, мы пользовались

всякими льготами: гуляли на воздухе, сколько хотели, получали газеты, имели свидания с родными, которые приехали за нами из Тюмени. Когда наша дружба со стражей дошла до ведома местного совета, приказано было перевести нас в тюрьму. Тюрьма Екатеринбургa была переполнена. С нами томились в заключении в одном здании полторы тысячи человек. Жить в таких условиях казалось невозможным. А каждый день прибывали новые и новые узники...

В тюрьме я пробыл три месяца. Моя жизнь и свобода зависели от Екатеринбургской «чека». В это почтенное учреждение входили все «министры» Уральского «правительства». Во главе его стоял довольно свирепый человек — зубной врач Голощекин, именовавший себя «военным министром»; говорят, впоследствии именно он расстрелял без суда царскую семью. «Министром юстиции» был Поляков — студент-юрист, не окончивший курса, левый эсер, примкнувший к большевикам. Заместителем председателя был Войков, как говорили, родственник Ленина. Пост «министра внутренних дел» занимал Чуткаев — мелкий земский служащий. Ни законов, ни границ власти этих людей над населением не существовало. «Чрезвычайная комиссия для борьбы с контрреволюцией, саботажем и

спекуляцией» («чека») не стеснена в своих действиях никакими «буржуазными пред-
рассудками», никакими формальностями. В
принципе ею должна руководить лишь «ре-
волюционная совесть». Запкус вышел со
своими матросами на охоту и сразу напал,
как он думал, на хорошую дичь. Но надо
было указать мне мою вину, о чем я неиз-
менно настаивал на допросах. Мои взгля-
ды были известны. Всю жизнь я боролся
со злоупотреблениями бюрократии и само-
державия. Теперь, по собственному почи-
ну, я отошел от всякой политической дея-
тельности и не мог быть ни в какой мере
страшен большевикам. Мои друзья усерд-
но хлопотали в Москве, и им удалось по-
нудить Ленина послать телеграмму в Ека-
теринбург с предложением либо предъявить
мне определенное обвинение, либо выпус-
тить меня на свободу...».

Действительно, Москва дважды запра-
шивала Екатеринбург о ходе следствия, а
Поляков 20 апреля, во время съезда комис-
саров юстиции, лично докладывал о мате-
риалах дела председателю ВЦИК Свердло-
ву и наркому юстиции Стучке.

Следователи не могли не зацепиться за
карандашную дневниковую запись Е.П. Пи-
саревой от 12 января: «Сегодня приезжал в
Тюмень Ладыженский — очень способный

инженер, работавший на фронте... взялся объездить города Сибири, чтобы выяснить, можно ли рассчитывать собрать там добровольческую армию для борьбы с большевиками... Георгий с сомнением относится к этому и не представляет возможным создать армию. Но вместе с тем это последняя надежда сокрушить большевиков и не попасть в окончательное рабство к немцам».

Тогда патриотически настроенные офицерство и интеллигенция считали большевиков, и не без оснований, пособниками германского генерального штаба. Унизительный для России Брестский мир ими не признавался. Мечталось: создание по линии Волги нового Восточного фронта и продолжение войны с немцами до победы. Эта мечта осуществилась через 25 лет под Сталинградом.

Но чекистской проверкой было установлено: в Тюмени Львов с Ладыженским лично не встречался. Инженера в тюменской гостинице «Россия» посетили Лопухин и Голицын. Они хотели привлечь его, талантливого специалиста, к коммерческой работе в «Обществе». Сведения о попытках создания добровольческой армии они восприняли как малоинтересные и к делу не относящиеся. Естественно, позже они вместе с Львовым обсуждали беседу с Ладыжен-

ским, и присутствующая при этом Писарева занесла «новость» в свой дневник.

Так что у следственной комиссии не было каких-либо доказательств виновности князя Львова. А показания старого большевика Терешковича вообще повергли комиссаров юстиции в уныние. «На своей политической карьере, — считал свидетель, — князь Львов определенно поставил крест. За несколько дней до отъезда в Тюмень он сказал мне, что едет туда заниматься коммерческой деятельностью».

Тем не менее 4 июля 1918 года всем арестованным в Тюмени предъявили обвинение «в пособничестве лицам, принимавшим участие в подготовке вооруженных выступлений против Советской власти, выразившейся в обсуждении сообщений непосредственных участников подготовки добровольческих дружин, в оказании этим лицам содействия по выполнению их планов и в командировании людей по городам Сибири для информации и разведки».

Сам Львов выразился намного яснее: «...Я обвинялся в работе на контрреволюционное сообщество, имевшее целью объединить в Сибири противников коммунистической власти. Обвинительный акт свидетельствовал, что ни самое общество, ни его непосредственные участники не могли

быть обнаружены. Обвинения самим обвинителям казались столь слабыми и необоснованными, что они склонились на наши настояния и решили выпустить нас на свободу (меня и арестованного вместе со мною земца Лопухина и земского хирурга князя Голицына). К моменту суда мы обязаны были вернуться в Екатеринбург. Выйдя на свободу, «мы выехали из города, не теряя ни минуты».

В Москву комиссары юстиции доложили, что «узники переведены в тюрьму Алапаевского завода». Когда обман вскрылся, «в Тюмень был дан телеграфный приказ о новом их аресте». Но князя Львова успели предупредить. Не заезжая в Тюмень, он пробыл некоторое время в окрестностях — предположительно в сосновой роще в загородном доме Колокольниковых, потом его назовут домом отдыха имени А.Н. Оловяникова (*секретарь Тюменского уездно-городского комитета РКП(б), убит при подавлении крестьянского восстания 23 февраля 1921 года у села Ярково — А.П.*). Здесь он дождался наступления чехов и белогвардейцев, затем вместе с С.И. Колокольниковым и его женой Марией Николаевной переехал в Омск, где обосновалось Временное Сибирское правительство. В сентябре 1918 года они отправились в США.

В опросных листах значилась цель поездки за границу: «по поручению Сибирского правительства для снабжения Сибирской армии».

Омский переворот 18 ноября 1918 года и установление диктатуры адмирала Колчака князь Львов не принял и в Россию уже не вернулся.

«Любить героя из летного отряда...»

А что стало с Запкусом, его «летучим» отрядом и награбленным в Тюмени золотом? По словам Львова, «...Запкус попался в каких-то нечистых делах и очутился в тюрьме. Отряд распался...».

Князь не уточнил, когда и где это случилось. Во всяком случае, не позднее 28 марта, потому что в этот день газета «Земля и воля» сообщила, что Уралоблсовет решил оставить арестованного Львова у себя, так как «под надзором Запкуса его жизнь не гарантирована».

В разгар этих событий 19 марта 1918 года Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) постановила ликвидировать все летучие отряды, созданные для подавления контрреволюции на территории России. Тем же постановлением всем Советам, в том числе в Тюмени, рекомендовалось создать чрезвычайные комиссии (ЧК).

Свою роль в свержении старой власти «летучие», «северные», «морские», «карательные» отряды сыграли. Фактически эти вооруженные формирования были полностью бесконтрольны, и единственным обоснованием их деятельности была «ненависть к буржуям».

Можно предположить, что причиной конфликта между Запкусом и руководством Уралоблсовета стали не столько князь Львов, сколько тюменские ценности. В Екатеринбург они не поступили, другого пути в Кронштадт не было. Значит, остались в Тюмени или спрятаны в полосе отчуждения железной дороги в западном направлении до станции Камышлов. Дальше все пути были забиты составами с частями расформированного здесь 6-го Сибирского стрелкового корпуса.

Бывший начальник штаба Красной гвардии в Тюмени В.А. Злобин, арестованный в феврале 1938 года «за связь с руководителями право-троцкистского блока», предположил на следствии, что «конфискованные Запкусом у тюменской буржуазии ценности мог хранить известный тюменский адвокат и председатель городской думы Н.И. Беседных».

С одной стороны, Злобин непосредственно участвовал в обысках, арестах и расстре-

лах в феврале-марте 1918 года в Тюмени. По уже упомянутому рапорту сотрудников Тюменской уголовной милиции именно «он со своим конвоем явился в служебное помещение милиции, поломал во всех шкафах и столах замки, посрывал все печати, вскрыл ящик начальника милиции, в котором хранились вещественные доказательства, среди них золотые вещи, изъятые в доме Акулины Одинцовой по кличке «Лидка», соучастницы убийства 5 января 1918 года семьи Хохряковых... После оставления Злобиным участка все золото и серебро исчезло...». Неизвестно, сдал ли начальник местного красногвардейского штаба награбленное Запкусу, но наверняка многое знал о размерах и местах хранения драгоценной добычи.

С другой стороны, Злобин, являясь на день ареста председателем правления артели инвалидов «Свой труд», провел до этого беспокойную жизнь: еще в 1916 году в Омске, где учился в коммерческом училище, вступил в подпольную большевистскую организацию Залмана Лобкова, участвовал в Октябрьском перевороте и других революционных событиях, воевал в составе 29-й стрелковой дивизии, в 1921 году с должности военкома 256-го полка переведен в Тюмень ЧУСНАБАРМОМ (чрезвычайным уполномоченным по снабжению армии),

недолго служил в местном отделе ГПУ, дважды исключался из партии за моральное разложение, точнее за пьянство, трижды судим за растраты казенных денег, страдал эпилепсией.

В 1928 году через Тюмень в Тобольск в ссылку под конвоем чекистов везли Карла Радека. Работавший киоскером в «Союзпечати» на железнодорожном вокзале Злобин крикнул проходившему мимо киоска партийному оппозиционеру: «Привет, Радек!». Через десять лет ему припомнили это приветствие.

Сейчас мало кто знает о Карле Бернгардовиче Радеке. А когда-то его имя гремело в партии и в мировом коммунистическом движении. Страны и города менялись в жизни Радека с кинематографической быстротой... Австро-Венгрия, Швейцария, Бельгия, Польша, Германия... В феврале 1917 года Ленин сказал ему: «Надо ехать в Россию». Октябрьский переворот казался им началом мировой революции, и Радек нелегально отправился в Германию создавать партию немецких большевиков.

На организацию подполья, закупку оружия, издание листовок и агитационной литературы требовались большие деньги. Для этого за границей за бесценок продавались конфискованные в России истори-

ческие, культурные, художественные национальные реликвии — ведь большевики считались интернационалистами. В Нью-Йорке открылись десятки магазинов по продаже русского антиквариата — на этом разбогател американский друг Ленина — Брежнева папаша Хаммер. Seriously рассматривалась продажа всего Эрмитажа... Но устроить в Европе революционный пожар не удалось. Радека арестовали и заключили в тюрьму Моабит. Освободился он только в марте 1920 года, и был избран членом ЦК РКП(б) и Коминтерна.

В борьбе за власть в России, начавшейся после смерти Ленина, Радек примкнул к Троцкому. Но победил Сталин, и Радека, известного в стране публициста, острослова и сочинителя политических анекдотов, отправили в Тобольск. Там ему создали сносные условия жизни: комната в доме на территории тюрьмы не запиралась, охраны почти никакой, паек сытный. Эмигрантский журнал «Социалистический вестник» за 13 октября 1928 года писал: «До недавнего времени в Тобольске находился Карл Радек. Дважды в неделю он ходил на регистрацию в местное ГПУ и получал там пособие в 30 рублей в месяц».

Однако бывшего секретаря ЦК раздражало и мучило полное невнимание к своей

персоне со стороны местного населения, для которого ссылка в Тобольск «царей и вождей» стала привычным явлением. Другие политические ссыльные также не жаловали «верного солдата Ленина и Троцкого» — так величал себя Радек. Для честолюбивого, привыкшего всегда быть на виду политика не было большей кары, чем забвение. Радек не выдержал испытания ссылкой и публично покаялся перед Сталиным. Тот возвратил его в Москву. Но ни последующие славословия и хвалебные оды «великому вождю Сталину», ни статьи с требованием казни своих недавних товарищей не спасли Радека от расправы. По указанию Сталина его представили руководителем право-троцкистского блока (вместе с Н.И. Бухариным и другими лидерами партии) и после судебного процесса, на котором Радек «сознался во всех шпионско-контрреволюционных грехах», удушили в тюремной камере.

Выполняя партийно-чекистские лимиты по уничтожению инакомыслящих, начальники Тюменского отдела НКВД Петров и сменивший его Прищепа хотели «развернуть» из спившихся и нездоровых бывших тюменских красногвардейцев «свою» троцкистскую организацию, связанную через Злобина с Радеком.

Легко добившись от них признательных показаний, провели в Тюмени в мае 1939 года судебный процесс с участием председательствующего военюриста Тарасова, членов — старшего лейтенанта Бородина и младшего политрука Могутова при секретаре технике-интенданте 1 ранга Березкине. Но к тому времени репрессивно-политическая конъюнктура изменилась: Ежова на Лубянке сменил Берия, в чекистских рядах началась очередная чистка. На суде Злобин отказался от своих «признаний» и заявил, что «подписанные мной показания являются «легендой», составленной самим следователем и применявшим ко мне меры психического воздействия, а именно: держал меня на «конвейерных допросах, где неустанно твердил, что я враг Советской власти, должен «расколоться» и подписать все материалы следствия... Мне угрожали, если не подпишу, то буду посажен в комнату № 22, где я подпишу любой материал. Об этой комнате я слышал от сидящих со мной в камере заключенных как о комнате пыток, и сам убедился в этом: когда меня утром привезли в горотдел НКВД на допрос, я увидел, как из кабинета № 22 два милиционера выносили находившегося в бесчувственном состоянии молодого комсомольца с судоверфи. Будучи по состоя-

нию своего здоровья психически больным человеком, близким к сумасшествию, я решил подписать все, что подсунул мне следователь, так как мое сопротивление было бесполезным». А следователь Акимов написал, что «...Злобин специально встретил Радека на станции Тюмень, где получил от него задание по вербовке троцкистских кадров». По этому утверждению обвиняемый воскликнул: «Как известно, все политические преступники, а в особенности такой, как Радек, не мог следовать без конвоя — это первое. Второе: никогда бы Радеку не разрешили вести беседу с посторонними лицами, а выходит, что я в присутствии московской охраны и начальника Тюменского отдела ОГПУ разговаривал с Радеком и получил от него шпионское задание. Отсюда вытекает: или все это сплошная нелепость и фантазии следователя, или сопровождавшие Радека чекисты тоже были троцкистами, которые дали мне, продавцу киоска «Союзпечати» Злобину, возможность свидания с Радеком для получения от него инструкций. В 1932 году я действительно ездил по делам артели инвалидов «Свой труд» в Москву, где заходил в ЦК ВКП(б) повидаться с Емельяном Ярославским, но тот был в отъезде. Радека я в Москве не видел и никаких писем ему не передавал. В

Москву я ездил с сопровождающим, так как без посторонней помощи не могу следовать по железной дороге. Поэтому «легенду» о моей встрече в Москве с Радеком в редакции газеты «Известия» категорически отрицаю».

В такой ситуации суд направил дело на следствие, которое было прекращено Управлением НКВД по Омской области в сентябре 1939 года при новом начальнике Захарове — прежние Валухин и Волохов сами ждали в тюрьме расстрела, а следователя Акимова уволили из органов НКВД и исключили из ВКП(б). Так что им было не до золота Запкуса.

А 77-летнего тюменского адвоката Беседных арестовали в феврале 1938 года и расстреляли 7 июля того же года, но не за хранение конфискованных Запкусом в Тюмени ценностей, а за чуждое социальное происхождение и принадлежность к небольшевистским политическим партиям. Масштабы репрессий были столь велики, что небольшой штат Тюменского отдела НКВД не справлялся с процессуальным оформлением потока арестованных. К допросам привлекали милиционеров, пожарных и даже... грамотных уборщиц. Уборщица отдела Иванина, названная в протоколе допроса для солидности «пом. уполномочен-

ного», старательно записала рассказ словоохотливого старика о своей бурной революционной молодости. Обвинения в членстве партии социалистов-революционеров (эсеров) он отверг и показал, что «в 1917 году, являясь гласным (депутатом) городской думы в Тюмени, вступил в партию «Народной свободы», руководителем которой являлся некто Захарченко, позднее я стал его заместителем... На проводимых нами собраниях обсуждались различного рода политические и организационные вопросы, была попытка связаться с центром, но не получилось в связи с Октябрьским переворотом. В период между февральской и октябрьской революцией я был председателем исполнительного комитета Тюменской городской думы, заняв место купца Колокольникова, который после отставки премьер-министра князя Львова отказался от председательствования. В 1918 году во время налета на Тюмень отряда Запкуса и захвата власти в Тюмени большевиками меня арестовали, глумились надо мной, заставляли мести городские улицы, угрожали расстрелом... В тюрьме я просидел до вступления в Тюмень белых войск. Понятно, что я оказал им активное содействие по сбору средств и формированию новых вооруженных отрядов против красных войск...».

Так что Беседных не имел отношения к золоту Запкуса, а предположения Злобина — не более чем плод больного воображения.

Документы 1-го Северного морского карательного отряда на хранение в Российский государственный военный архив (РГВА) не поступали. Составлялись ли описи изъятых в Тюмени ценностей? Вряд ли. Куда и как пропала огромная по тем временам золотая добыча Запкуса — пока неизвестно.

Для меня Запкус остался самой загадочной личностью в новейшей истории нашего края.

Писатель Всеволод Иванов в повести «Голубые песни» о гражданской войне в Прииртышье называет главного героя Василием Антоновичем Зайпкусом. Но, скорее всего, после Тюмени Запкус сгинул в пучине классовой междоусобицы, разделив судьбу тысяч других, таких же, как он, авантюристов.

«Премьерские щи»

(Из воспоминаний князя Г.Е. Львова)

...В тюрьме Екатеринбурга царили хаос и бессмысленная жестокость. Старый тюремный устав был отброшен, никаких новых установлений не создано. Наконец, начальник тюрьмы, большевик, столяр с петербургской фортепьянной фабрики Беккера, упросил меня написать новые правила тюремного распорядка. Я набросал ряд положений (главным образом гигиенических), необходимых и неизбежных во всяком общезжитии. Столяр был в восторге.

...Неприспособленное здание тюрьмы утопало в грязи и пыли. Два раза в неделю я мыл пол моей комнаты и тщательно вытирал тряпкою стены, двери, окно. В «новых правилах» содержались простые требования чистоты, указания, как бороться с вшами и клопами, как топить печи, как содержать отхожие места. Для всего этого, конечно, нужно было только немного практических знаний жизни и здравого смыс-

ла. Но ни того, ни другого большевики не могли предъявить. Хуже всего обстояло дело с пищей. На каждого заключенного отпускалось в день по рублю. Стража должна была на эти деньги закупать провизию и доставлять в тюрьму. Но что можно было купить на рубль, когда фунт хлеба стоил два рубля, а все остальные продукты еще дороже? О горячей пище рядовому заключенному нечего было и мечтать. Я и двое моих друзей жили на своих харчах, получая пищу от наших близких, переехавших в Екатеринбург. Большинство же заключенных голодало в буквальном смысле слова.

...Прохаживаясь по двору во время прогулки, я заметил два больших котла, в которых, по-видимому, отваривали когда-то белье. Мы вмазали их при помощи нашего начальника тюрьмы, и я выступил с предложением давать каждому заключенному за его рубль 1,5 тарелки горячих мясных щей. Тюрьма отнеслась к предложению недоверчиво. Я послал за свой счет за провизией. Когда я надел передник, тюрьма пришла в движение. Всем разрешено было в этот день участвовать в деле. Одни носили воду, другие кололи дрова, третьи топили печь, многие помогали самойстряпне, но я твердо держал власть в руках и вел лич-

но все дело. Я поручил купить шесть фунтов мяса по три рубля, 13 фунтов капусты по рублю, 0,5 фунта масла на четыре рубля, муки, соли, лаврового листа и перцу на два рубля. При общем участии и внимании я начал с приправы, поджаривая лук с маслом. Капуста варилась отдельно. Я вырезал жилы из мяса, бил его скалкой и резал на мелкие кусочки. Когда капуста сварилась с мясом, я подлил приправу. Дело простое, как видите, но за каждым моим движением следило множество глаз. Это нервировало меня самого, и редко в жизни я ждал успеха своего дела с таким нетерпением. Триумф был полный: щи вышли на славу и получили наименование «премьерских щей», а я до самого выхода из тюрьмы оставался бесспорным главным поваром и руководителем кухни.

...Успех «премьерских щей» превзошел все ожидания. Наши зрители вошли в артель. Начальник тюрьмы перестал обедать дома и ел с нами. По городу пошли рассказы о «премьерских щах». Смешно сказать, но мои кулинарные таланты создали мне совсем особое положение в тюрьме.

...Между тем наступала весна, и казалось важным в гигиеническом отношении дать заключенным возможность проводить

больше времени на воздухе. Мне хотелось соединить это с приятным трудом, и я задумал заняться огородом. После долгих хлопот нашего комиссара мы получили одну грядку. Вторую, третью и четвертую мы вскопали и засеяли самовольно. Мы сняли и вынесли верхний слой глины, натащили в тачках и на носилках хорошего чернозема из окрестностей, унавозили грядки из заброшенного коровника. Как китайцы, копались мы целые дни на огороде, работая двумя лопатами, найденными на дворе, а по большей части руками. Начальник тюрьмы (столяр-большевик) сиял, глядя на наши труды. Он притащил ко мне шестилетнюю дочку свою Таничку, и милый ребенок доверчиво положил свою ручонку в мою руку. Таничка немедленно приняла участие в нашей работе, вымазалась вся в земле и ни за что не хотела уходить от «дедушки». И потом, при восторженном одобрении отца, она участвовала во всех наших работах и забавляла нас своим непрерывным лепетом.

Семена доставили с воли мои близкие. Мы сеяли редьку, хрен, репу, горох, бобы, морковь, свеклу, картофель, капусту, лук. Ни одно мое начинание на воле не принесло таких блестящих результатов. Огород дал чудесные всходы. В августе, через два

месяца по выходе на свободу, я вернулся в Екатеринбург, который был уже в руках чехословаков. Я заехал в тюрьму. Меня встретили радостно те же смотрители. Начальника не было; мне рассказали, что он не выдержал окружавшей его крови и застрелился. В тюрьме на наших местах сидели большевики. И великолепно разросшийся огород разнообразил их пищу.

Тайны епископа Гермогена

О тобольской ссылке царя Николая II и его семьи написано много. Ничего нового, кажется, не добавить. Однако обнаруженные в архиве Регионального управления ФСБ по Тюменской области документы позволяют по-другому оценить драматические события 85-летней давности.

Попы-заговорщики

Чтобы сломить духовное сопротивление крестьян Зауралья насильственной коллективизации, Полномочное представительство ОГПУ по Уралу сфабриковало в 1931 году дело № 8654 «О поповско-кулацкой контрреволюционной повстанческой организации «Союз спасения России».

Руководителем этой организации из 54 священнослужителей представили 60-летнего архиепископа Пермского Иринарха Синеокова-Андреевского, уроженца г. Екатеринослава, окончившего Киевскую духовную академию, одинокого, неимущего, су-

димого в 1923 году за сокрытие ценностей тюменского монастыря к семи годам лишения свободы, через год амнистированного в связи со смертью В.И. Ленина, в 1928 году высланного за инакомыслие из В-Устюга в Краснококшайск (сейчас Йошкар-Ола).

Но больше всего следствие интересовали обстоятельства и характер его отношений с епископом Тобольским Гермогеном в 1917–1918 годах, то есть во время пребывания в Тобольске в ссылке царской семьи Романовых.

На допросах Иринарх подтвердил, что «в марте 1917 года Святейшим Синодом епископ Гермоген был призван из ссылки в Жировицком монастыре Гродненской епархии и назначен на Тобольскую кафедру». Они познакомились еще в 1898 году в Тифлисе, потом вместе служили в Саратове, и неудивительно возведение Иринарха 16 декабря 1917 года (по старому стилю) в Петрограде в Казанском соборе епископом Березовским викарием Тобольской епархии, то есть заместителем Гермогена.

Возникает вопрос: почему через 15 лет после расправы с Николаем II, его семьей и самим Гермогеном ОГПУ так настойчиво добивалось получения сведений о последнем тобольском периоде жизни святого старца?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно кратко напомнить хронологию событий: от отречения Николая II от престола 2 марта 1917 года в вагоне императорского поезда на станции Дно до его расстрела в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге в подвале Ипатьевского дома.

Место ссылки — Тобольск

Николай II надеялся после отречения уехать вместе с семьей из России в Англию через Мурманск — такие переговоры действительно велись. Но уже 3 марта Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял постановление «Об аресте Николая II и прочих членов династии Романовых». Временному правительству Львова-Керенского пришлось уступить. Царскую семью изолировали в Царском Селе. Но толпа требовала казни, тогда было решено вывезти их из Петрограда. Они еще мечтали отправиться в Крым, в солнечную Ливадию, в свою резиденцию. А оказались в далеком и холодном Тобольске. Почему этот город был избран местом ссылки? Документальных пояснений такого решения нет. Кто-то из историков считает — из-за Гермогена: монархический заговор готовился заранее. Неубедительное объяснение: из-за публич-

ного осуждения распутинщины Гермоген считался противником царицы Александры Федоровны, за что и угодил в монастырское затворничество. Только убийство Распутина и царское отречение помогли епископу подняться к алтарю. Так что можно считать назначение Гермогена в Тобольск и ссылку в этот город Николая II случайным совпадением.

Охранять царя и его семью в город на Иртыше отправились три с лишним сотни солдат из гвардейских полков — все Георгиевские кавалеры, прошедшие «огонь, воду и медные трубы» мировой войны. За будущую службу им было обещано повышенное жалование, командировочные и награды. Командир отряда — Кексгольмского лейб-гвардии полка полковник Евгений Кобылинский. Боевой офицер, на фронте с начала войны, несколько раз ранен, награжден за храбрость орденами и Георгиевским оружием.

В Тюмени их встречали. Сохранились записки одного из стрелков охраны Петра Матвеева: «Смотрю: открываются двери вагона Романовых. Впереди всех показался Николай. Я обернулся в сторону собравшихся военных властей: они стоят, все вытянувшись в струнку, а руки держат под козырек...».

И дальше по рекам Туре и Тоболу на пароходах «Русь», «Кормилец» и «Тюмень» — в Тобольск.

В 1931 году на допросах в ОГПУ Иринарх показал, что «переезд царской семьи тщательно маскировался, об исторических путниках в Тобольске ничего не было слышно. Только 19 августа (по старому стилю) во время обеда около 5 часов вечера Гермоген сообщил мне эту новость...».

Но из дневника самого Николая: «На берегу стояло много народу. Значит, знали о нашем прибытии...».

И стрелок Матвеев вспоминал: «На берег высыпал, без преувеличения, буквально весь город...».

Другие показания Иринарха: «В это время (пароходы подходили к пристани) епископ Гермоген вышел в собор, и с колокольни раздался звон во вся. Прискакавший стражник имел намерение запретить звон и доискивался причины. Успокоенный заверениями сторожа, что звон обычный и к приезду Романовых отношения не имеет, успокоился. Потом, вспоминая эту подробность, епископ заметил: «Русскому царю подобает приехать со звоном». В дальнейшем жизнь потекла обычным руслом. Тобольск — скромный город, и сплетен в нем намного меньше, чем в других городах...».

Заложники сепаратизма

Наступила весна 1918 года, и революционные ветры достигли заснеженной, дремотной и сытой Сибири. После Октябрьского переворота и заключения Брестского мирного соглашения с немцами бывшая Российская империя развалилась на куски. Только часть территории Москва удерживала силой партийных решений и лихих красногвардейских отрядов. Возникли «красный Урал» с центром в Екатеринбурге и Западно-Сибирская область, в состав которой включили и Тобольскую губернию, не спрашивая согласия Тюмени, куда по решению местного совета 5 апреля 1918 года перенесли губернский центр.

В свою очередь, Тобольский совет, состоявший сплошь из меньшевиков и эсеров, не признал полномочий ни Тюмени, ни Омска, ни Екатеринбурга. Уверенность Тобольску придавал бескрайний Север и гвардейский отряд полковника Кобылинского, который, однако, после свержения Временного правительства уже полгода не получал денежного довольствия. От разложения и дезертирства гвардейцев сдерживали боевые традиции, воинская дисциплина и... надежда на погашение долгов. И не важно, кто их погасит: новая власть, бывший царь или Гермоген.

В Москву отправился делегат от отряда Матвеев, тот самый автор «записок». Его принял председатель ВЦИК Яков Свердлов. Посочувствовал, приободрил, но денег не дал — их у него еще не было. В то же время в Москве находился и Гермоген, как позднее свидетельствовал Иринарх, «получить у патриарха Тихона согласие на переезд царской семьи из губернаторского дома в Ивановский монастырь и на принятие Николаем... монашеского сана». Умен был тобольский святой старец Гермоген. Умен и прозорлив. Только так, в молитвах и покаянии, можно очиститься от распутинщины и пережить смутное время. Такое бывало на Руси: далекий предок Николая Романова Филарет стал патриархом. Русские люди, как известно, отходчивы и терпеливы: простят монарху все прегрешения и вновь сплотятся у трона — царского или церковного. Но как же охрана? Отдаст ли она бывшего царя в монахи? Гермоген готов взять гвардейцев на содержание, деньги у него есть.

Но Тихон холодно отнесся к этой идее. Он сам уже предал анафеме большевиков. И ему чудилось: после прочтения во всех российских храмах его послания крестные ходы верующих опрокинут бесовскую власть. Его православные россияне назо-

вут спасителем Отечества. Делиться победой и славой с безвольным, отрекшимся от престола Николаем патриарх не желал. В утешение послал венценосным узникам в Тобольск через Гермогена просфору и свое благословение. А епископу приказал: деньги на охрану Романовых не тратить, а беречь их для церкви.

Потом Иринарх на допросе в ОГПУ показал: «...Гермоген возвратился из Москвы угрюмый, недовольный. Уехал в Абалакский монастырь, там затворился, молился, думал... Послание патриарха Тихона против самозванной власти большевиков он сам прочитал в Тобольском соборе и хотел для этой же цели поехать в Тюмень, но, очевидно, получив какие-то тревожные вести, он вместо себя послал меня, в Тюмень я приехал с одним купцом под видом его спутника и там узнал, что по пути Гермогена должны были арестовать. Поэтому все удивились, как проскочил я. Гермогеном мне было дано задание, кроме прочтения послания патриарха Тихона, организовать по городу крестный ход. Я вместе с протоиереем Алерским наметил план демонстрации крестного хода. Но накануне рано утром Алерский пришел ко мне и заявил, не указывая источника, что тюменские власти по поводу наших предстоящих действий

запрашивали Москву, от которой получили известие, чтоб крестному ходу не препятствовать, но переписать участников. Так как к крестному ходу было все приготовлено и народ оповещен, то мы не нашли возможным отменить его. Крестный ход состоялся, хотя и был оцеплен красноармейцами. Когда я собрался уезжать обратно в Тобольск, мне сказали, что в дороге меня арестуют. Тогда я официально известил все духовенство, что в пятницу я служу в Тюмени последнюю службу и потом уезжаю в Тобольск. Вместо этого я накануне под видом простого мирянина уехал в Тобольск...».

Чему молился Гермоген в Абалаке? О чем думал? О земных страстях праведников? О церковной скупости? А может, о том, как выполнить волю патриарха: обмануть беспокойных кредиторов и сохранить для церкви полученные от них деньги и ценности.

Побег на Север

Установлено: от оставшегося в Петрограде и Москве царского окружения в Тобольск поступали большие средства — на жизнь и на освобождение. Об этом сам Николай записывал в своем дневнике: «12 (25) марта: из Москвы вторично приехал Влад. Ник. Штейн, привезший оттуда из-

рядную сумму от знакомых нам добрых людей, книги и чай. Он был при мне в Могилеве вторым вице-губернатором. Сегодня видели его проходящим по улице».

Считается: все эти ценности под предлогом организации побега из Тобольска царской семьи присвоил Борис Соловьев, зять Григория Распутина. Тогда почему после гражданской войны он полунцим работал во Франции на автомобильном заводе и в 1926 году скончался от туберкулеза. А его жена Матрена Соловьева-Распутина устроилась в Париже гувернанткой и с двумя крохотными дочерьми жила в небольшой квартирке. А потом уроженка сибирского села Покровского окажется в Америке, где станет... укротительницей тигров. Умерла она в 1977 году в Лос-Анджелесе.

Историки не знали о показаниях Ирнарха: «...Епископ Гермоген имел крутой нрав, был подозрителен. Работать с ним и быть в согласии задача была не из легких. Делами епархии Гермоген занимался мало и крайне урывчиво — нередко во время заседаний Епархиального совета он оставлял дела, поручал мне продолжение заседания, а сам уединялся во внутренние покои, и видно было через открытую дверь соседней комнаты, что к нему приходили какие-

то неизвестные мне люди, светские, большею частью в простой одежде. Принимал их Гермоген всегда секретно, имея дверь на запоре. Со мной этой стороной жизни Гермоген не делился... Но после его ареста я узнал, что к нему приезжал зять Распутина и передал ему большую сумму денег, для какой цели, не знаю...».

Иринарх перед следователями ОГПУ осторожничал — жизнь заставила его не говорить лишнего. Но здесь очевидно: все деньги и ценности, поступавшие в Тобольск для царской семьи, попадали к Гермогену. Ни Николай, ни его близкие свиданий с волей не имели.

Если бы Гермоген рассчитался с охраной за полгода невыплат, 300 Георгиевских кавалеров, молодец к молодцу, любому черту любые рога обломали бы! Но пойти против воли патриарха епископ не смел. А чтобы полученные от Соловьева и других монархистов ценности для церкви сберечь и сокровища самой царской семьи добыть, он слух пустил: готовится, мол, их бегство. И все этим слухам поверили. И верят до сих пор.

Но задумаемся: куда бежать? На Север — он всегда равнялся на губернский и православный Тобольск. А дальше? «В устье Оби, — утверждают историки, — там шху-

ну «Мария» якобы ждал английский крейсер «Меркурий». Или на санях через Полярный Урал на Печору и в Архангельск, там правительство Чайковского поможет...

Да полно! Какое бегство на Север: безвольный Николай, нервная Александра Федоровна, девицы, больной наследник Алексей, многочисленная челядь... В морозы, в бездорожье, в распутицу или в весенние разливы рек... Без сопровождения, без охраны...

Да и кто их где ждал? Не нужны они были никому: ни англичанам — отказались от них еще в марте 1917 года, ни «социалисту» Чайковскому — противнику как большевизма, так и монархии.

Но в невероятное всегда верят, и слухи о бегстве царской семьи успокоили кредиторов Гермогена и переполошили и Омск, и Екатеринбург.

«Тили-тили тесто...»

Там одновременно 24 февраля 1918 года были созданы чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией — знаменитые ЧК. В Омске ее возглавил председатель комитета 20-го Сибирского полка Владимир Шебалдин, его заместителем стал бывший прапорщик Авраамий Демьянов. Во главе Екатеринбургской ЧК были постав-

лены революционер-подпольщик Михаил Ефремов (кличка Финн) и балтийский матрос с линкора «Заря свободы» Павел Хохряков.

Те и другие также одновременно, но не согласовывая своих действий, начали «операции по разгрому монархического заговора в Тобольске». Таким путем они хотели закрепиться в безвластном, как им казалось, Тобольске.

Омичи действовали нахрапом: они считали Тюмень и Тобольск своими территориями. 26 марта на удачах тройках с гиканьем и свистом чекисты и красногвардейцы Демьянова подкатили к губернаторскому дому и уперлись... в пулеметы. Полковник Кобылинский и его бойцы грозной чрезвычайной комиссии не испугались и потребовали деньги. Денег не было — тогда от ворот поворот! И пришлось омичам и сопровождавшим их тюменцам пить в местных кабаках водку — рыпнуться против закаленных в боях Георгиевских кавалеров они не посмели.

Уральские чекисты повели себя по-другому — секретно, ведь юридически Тобольск не находился в подчинении Уралоблсовета. Хохряков отправился туда под легендой «жениха» профсоюзной активистки Татьяны Наумовой, родители которой

жили в Тобольске. «Поехал свататься», — говорили в Екатеринбурге. Позднее «невеста» вспоминала: «...16 чекистов отправились мелкими группами тайно: мы с Хохряковым на «свадьбу», другие — на заработки, третьи — за рыбой».

Но, по правде, они перекрыли маршрут воображаемого бегства царской семьи с одной целью — убить Николая II. Такое им тогда было дано задание.

О деятельности 24-летнего «жениха» Хохрякова в Тобольске хорошо известно: убедившись лично в местном безвластии, он 9 апреля 1918 года эту власть захватил и стал председателем исполкома уездного Совета, оставаясь при этом в руководстве Екатеринбургской ЧК. И тогда же испытал сильное унижение: к Николаю II охрана его не допустила — денег у «хозяина» Тобольска не было. Вот тогда Хохряков понял: власть без денег — еще не власть.

Дети — гроза террористов

Меня в той истории занимало другое: кто и куда поехал «за рыбой». И я нашел ответ в показаниях березовского большевика Ивана Филиппова, датированных октябрём 1937 года (*публикуются впервые*).

«...В конце марта 1918 года в Березов из Екатеринбурга прибыли два товарища с

мандатами от Екатеринбургского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на проверку наших рыбных запасов. По их словам, их было пятеро, но в дороге (они ехали через Надеждинский завод (сейчас г. Серов. — Ред.), Саранпауль и Сарынь по реке Сосьве на оленях) другие, простудившись, отстали. За отсутствием знакомых в Березове Заславский с товарищем (фамилию второго забыл) остановились в чайной общества трезвости, заняли большую комнату целиком, не обращая внимания на четырех детишек заведующего чайной Булатникова. Однажды Заславский с товарищем решили разобрать свой багаж и стали выкладывать из чемоданов наганы, браунинги и гранаты — русского образца в виде бутылок и французские — картошкой. Однако шнырявшие тут же детишки в возрасте от четырех до девяти лет знали, что это за игрушки: они видели их на лубочных картинках, украшавших стены. Когда отец пришел домой, дети рассказали ему, что таких штучек, как у них на картинках, у дяденек полны чемоданы. Жена Булатникова, нервничая, как бы чего не случилось, уговорила мужа сообщить об опасном багаже в ревком, и он по секрету обо всем доложил, прося оградить его семью от таких постояльцев.

Мы вынуждены были вызвать этих «террористов» в ревком, проверить еще раз их документы и заявить им о задержании до выяснения их прав хранить оружие. Заславский с товарищем не пожелали объяснить, зачем они возят с собой оружие, но просили сообщить об их задержании в Екатеринбург. Оттуда пришло срочное телеграфное распоряжение о немедленном освобождении этих товарищей для выполнения возложенных на них поручений. Телеграмма была подписана заместителем председателя исполкома Уралоблсовета Дидковским.

Мы поняли их невиновность перед партией, но выпустить их на волю в Березове было невозможно, так как все жители города знали, что арестованы террористы с чемоданами оружия. Обсудив этот трудный для нас вопрос, мы отправились в отдельный кабинет в старой полиции, которая в то время пустовала, и вызвали туда засекреченных товарищей. Показав им полученную из Екатеринбурга телеграмму, мы объяснили, что освобождаем их, но обязываем выехать из города, так как здесь об изъятом у них оружии ходит много разных кривотолков. А исполнение секретного поручения им придется поручить нам в связи с разоблачением перед народом. Полученной телеграм-

ме они обрадовались и, понимая невозможность дальнейшего пребывания в Березове, рассказали нам следующее. Бывший царь Николай Романов находится в Тобольске под охраной воинских частей Временного правительства. Поступили секретные сообщения, что Романова предполагают отправить в Архангельск к контрреволюционному правительству Чайковского через Березов. Дело это настолько секретно и ответственно, что они не могли довериться местным людям и не могут уехать из Березова, не перепоручив его вполне надежным товарищам-большевикам.

Мы согласились с ними, что предстоит операция очень серьезная, не всякому по плечу, и дали подписки, что берем на себя обязательство, не щадя своей жизни, выполнить порученную нам ликвидацию Романова. Эти подписки и всю переписку можно найти в Свердловском партархиве за апрель 1918 года. Но обстоятельства сложились так, что выполнить это поручение нам не пришлось».

Так дети, гроза всех шпионов, расшифровали в Березове «рыбаков-террористов». Поэтому Семен Заславский появился в Тобольске и целыми днями бродил у губернаторского дома с бомбами в карманах и с браунингами за пазухой.

Сложилась патовая ситуация: все хотели, но никто не мог. Одни — епископы Гермоген и Иринарх — не смеют перечить патриарху Тихону и прячут в окрестных монастырях царские и иные сокровища, другие — омские и уральские чекисты и красногвардейцы — боятся отлично вооруженных и выученных стрелков охраны. И все не доверяют друг другу.

И в такой ситуации в Тобольск из Москвы приехал приятель Свердлова уфимский боевик Василий Яковлев. Его настоящее имя Константин Мягин, кличка — Антон. Но его сила не в мандате особоуполномоченного ВЦИК за подписями Ленина и Свердлова, а в чемодане. Там пять миллионов рублей золотом.

Продается царь

Никто не обрадовался посланцу Москвы. В Екатеринбурге его предупредили: «Охрана Романовых приготовилась силой оружия отстаивать свое право, считая действия местных властей, омских и уральских представителей сепаратными, не согласованными с центром».

Но Яковлев не испугался: «показал ямщикам деньги, и едва мужики пронюхали, что комиссар платит наличными, да еще новенькими романовскими — ни од-

ной копейки керенских, не стало отказа в лошадях, продуктах, квартирах и лучших тарантасах, какие только были в селах и деревнях. Впереди обоза неслось: «Едет настоящий комиссар, который за все платит».

В Тобольске Яковлев встретился с Хохряковым и Заславским. Не успели обменяться приветствиями, как последний заявил:

— Нам надо с этим делом кончать.

— С каким? — спросил Яковлев.

— С Романовыми!

— Значит, — заключил Яковлев, — все слухи о том, что есть отдельные попытки покончить на месте с Николаем II имеют под собой почву.

После такого разговора особоуполномоченный ВЦИК отправился в губернаторский дом. Нет необходимости излагать все подробности его беседы с охраной царя. Выделим лишь главное из воспоминаний самого Яковлева.

Выступил офицер:

— Что будет с нашим отрядом, куда мы денемся? Нас почему-то все считают чуть ли не контрреволюционерами. Никакой помощи не оказывают, и вот уже полгода мы сидим без денег, и нам никто не выплачивает жалованье.

— Разве Тобольский Совет вам денег не платит? — перебил я расходившегося оратора.

— Ни одной копейки. Они только нападают на нас, и чуть дело не дошло до кровопролития, — ответил офицер, а остальные его поддержали.

Наступил тот решительный момент, которым я должен был воспользоваться.

— Так в чем же дело? Я уплачу вам.

— Как? За все время и все причитающиеся нам путевые и дорожные расходы как полагается по военному положению?

— Ну да, все это вам по праву причитается. Вот чемодан с деньгами стоит. Приготовьте все ваши ведомости, и я немедленно выдам вам деньги.

И все! Проблема решена. Царь и его семья были проданы. При их собственном скупердяйстве: несметных сокровищах, вывезенных в Тобольск, и щедрых пожертвованиях, сокрытых в тайниках Гермогоном.

Солдаты охраны произвели на Яковлева хорошее впечатление: «стройные, статные, прекрасно одетые и хорошо вымуштрованные, они резко отличались всем своим видом и солдатской выправкой от наших красноармейских отрядов 1918 года. Чувствовалась между ними сильная и друж-

ная спайка, вызванная, очевидно, долгим пребыванием вдалеке от своих частей и, несомненно, углубленная последними тобольскими событиями, когда их хотели обезоружить, оставили без провианта, без света и без денег».

Комиссар пристально вглядывался в лица солдат: «сильные красавцы, большинство с открытыми, чистыми русскими лицами, приветливо, но и тревожно посматривали в мою сторону. Мы освоились, и между нами завязалась дружеская беседа. Посыпался ряд вопросов о положении в России, о нашем правительстве, о Керенском. Но чаще всего о своей дальнейшей судьбе... У меня не было никакого сомнения: Романова теперь я вывезу без всяких помех со стороны охраны, она будет только оказывать содействие в моем предприятии».

Историки не задумались: что стало с бойцами отряда — три сотни Георгиевских кавалеров, герои Отечества? Как пережили они гражданскую войну, белый и красный террор? Пережили ли? Мне известно, что для некоторых из них, оставшихся в Тобольске, участие в охране бывшего царя обернулось в 1937 году расстрелом.

Эвакуация Николая II и его семьи из Тобольска: конный пробег до Тюмени, из-

менение железнодорожного маршрута в сторону Омска, возвращение 30 апреля 1918 года в Екатеринбург — все это уже эпизоды драмы. Их участь была решена. Спасаться от гибели — уходом ли в монашество, бегством ли — надо было в Тобольске. Да денег пожалели.

Сколько стоило освобождение

Яковлева царские сокровища не интересовали — в его воспоминаниях о них ни слова. Он сам легко добывал большие деньги (понятно, что пять миллионов в чемодане им не заработаны) и так же легко тратил. А вот руководителей Уралоблсовета слухи о золоте и бриллиантах царя и его семьи сильно возбуждали. Досмотреть кладовые губернаторского дома в Тобольске они не смогли — охрана не допустила. Но в Екатеринбурге в первую же ночь после заключения Николая, его жены, дочери Марии и прислуги в доме горного инженера Ипатьева весь их багаж тщательно проверили — ничего ценного не нашли. По этому поводу Николай записал в дневнике: «17 (30) апреля. Осмотр вещей был подобен таможенному: такой строгий, вплоть до последнего пузырька аптечки Аликс. Это меня взорвало, и я резко высказал свое мнение комиссару». Они не понимали при-

чин ночного обыска. Или делали вид, что не понимали. Но те, кто обыскивал, сразу же сообщили Хохрякову: драгоценности остались в Тобольске.

Задержанный в этом городе распутинский зять Соловьев выдал Хохрякову за свое освобождение сведения о жертвованиях царской семье и о принадлежащих им ценностях. Он считал, что это богатство хранит Гермоген, но не знал его тайников. Думаю, только по этой причине, а не из-за мифического монархического заговора Хохряков арестовал Гермогена во время Пасхального крестного хода. Но тогда епископ свою тайну ему не открыл. А Екатеринбург торопил с доставкой оставленных в Тобольске из-за болезни Алексея дочерей и прислуги.

Председатель исполкома Тобольского уездного совета юридически не подчинялся Уралоблсовету, но Хохряков считался заместителем председателя Екатеринбургской ЧК, а секретное ведомство Дзержинского не признавало административных границ. Поэтому 23 мая остальные члены царской семьи были доставлены лично Хохряковым в дом Ипатьева. Но в их бесчисленных чемоданах также не оказалось драгоценностей.

До расстрела Николая, его родных и приближенных палачи не знали, что ску-

пая Александра Федоровна велела защитить бриллианты и жемчуга в лифы, пуговицы и шляпы дочерей. Потом в душную июльскую ночь в подвале пули выбьют сокровища из одежды, и они сверкающими горошинами раскатятся по залитому кровью полу.

А в мае 1918 года партийное и чекистское начальство Хохрякова не без оснований полагало: все царские и другие ценности спрятаны в Тобольске, а тайники знает Гермоген и его близкое окружение. Поэтому епископа держали в екатеринбургской тюрьме. Арестованный в Тюмени и помещенный в ту же тюрьму бывший премьер-министр Временного правительства князь Львов отметил в своих воспоминаниях: «...вокруг нас томила самая разнообразная публика: князь Долгорукий, сопровождавший царя в Тобольск, епископ Гермоген и несколько священников с ним, офицеры, студенты, социалисты, враждебные коммунизму, уголовные... Помню еще двух придворных лакеев, оставшихся верными царской семье... Большинство этих людей погибло: одних пристрелили, других потопили (епископ Гермоген) через две недели после моего выхода из тюрьмы».

Хохряков вместе со своим заложником Гермогеном собрался сразу же возвратить-

ся в Тобольск за золотом, но мятеж чехословацкого корпуса военнопленных нарушил его планы. 7 июня чехи захватили Омск.

Военно-оперативный штаб красных не проявил достаточной решительности, эвакуация проходила неорганизованно. Тем не менее еще до 7 июня в Тюмень было вывезено около миллиона пудов хлеба и значительное количество масла. В Госбанке оставалось около 270 миллионов рублей золотом, которые стали спешно грузить на пароходы.

Полковник П.П. Иванов (подпольная кличка Ринов), бывший командир Отдельной Сибирской казачьей бригады, которую он привел с Кавказского фронта в Петропавловск на расформирование, издал уже как командир созданного в Омске Степного корпуса первый приказ: «Во что бы то ни стало задержать пароход «Андрей Первозванный» с деньгами...». Первым ушел пароход «Ольга» с капитаном В.А. Чудиновым и комиссаром Ю.М. Бичелом. Следом вышел «Арсений», за ними — «Андрей Первозванный» с комиссаром А.Н. Диановым. На этом пароходе находилось все руководство советского Омска: Лобков, Косарев, Шебалдин, уполномоченные ЦК партии Усиевич и Окулов. На пути речного каравана была Тара, где власть перешла к анти-

большевистской коалиции. Белые решили перехватить красную флотилию, насчитывающую уже 25 судов (из Омска уже вышло только шесть, остальные присоединились в пути). С этой целью белогвардейцы приказали начальнику Тарской пристани Д.Ф. Нелюбину перекрыть Иртыш, затопить в узком месте фарватера баржу. Нелюбин выполнил приказ, но пока баржу тянули в нужное место, она затонула.

Первым подвергся обстрелу с берега пароход «Ольга». Сразу же ранили комиссара Бичела и убили лоцмана А.Н. Мусина. Пароход потерял на какое-то время управление, но выправился, и с него открыли пулеметный огонь. Красные высадили десант. Боясь окружения, белые воспользовались как прикрытием проходящим стадом скота и отступили в лес.

Освободив арестованных работников местного Совдепа, забрав хлеб из складов и деньги из казначейства, красная флотилия продолжила отступление по Иртышу, Тоболу и Туре.

Непосредственной угрозы Тобольску со стороны белогвардейцев еще не было. Тем не менее рано утром 11 июня все советские учреждения переместились из Тобольска в Тюмень. В брошенном большевиками городе в тот же день состоялось заседа-

ние членов бывшей городской думы, восстановлены городская и земская управы. Совместным постановлением представителей думы, земства и профсоюзов вместо прежнего Совета был избран Временный комитет, переименованный вскоре в Комитет общественной безопасности. Но комитет не осмелился признать власть Временного Сибирского правительства и официально сохранял нейтралитет в «местной войне» до прибытия того или иного отряда «победителей». Члены комитета боялись «хозяина» Тобольска Хохрякова и не исключали его возвращения. Да и сам Хохряков в начале июня был уверен в победе: сколько вооруженных контрреволюционных выступлений тогда происходило. В декабре 1917 года атаман Дутов даже Оренбург захватил. И что? Да Хохряков со своим другом Запкусом, именовавшим себя «комиссаром Северного района Европейской России и Западной Сибири», выбили атамана и его казаков из города в холодную степь. А потом так славно пограбили буржуев Оренбурга. И из Тобольска он контру вышибет, как говорил Запкус, «в два счета». Ведь под его командой — целая тюменская речная флотилия: 5 пароходов, 2 орудия, 3 бомбомета, 42 пулемета, 700 бойцов... А по берегу Туры марширует матросский отряд

до 400 штыков при десяти пулеметах тобольского сподвижника Сеньки Заславского. В трюме флагманской «Оки» заперт епископ Гермоген. Он раскроет в Тобольске тайну царских сокровищ, и будут у «хозяина» Тобольска и власть, и деньги! Пьянил Хохрякова свежий речной воздух, ветер трепал его русый чуб, румянил щеки. Кем он был на Балтике? Кочегаром на линкоре «Александр III», переименованном после царского отречения в «Зарю свободы». Света белого не видел, только зевастые топки раскаленные. Как говорили: «Бери больше, кидай дальше, пока летит — отдыхай». А теперь он красный адмирал, выше тобольских губернатора и архиерея поднялся.

Утопление

Пока Хохряков спорил о пределах своей власти с образовавшимся 13 июня в Тюмени военно-революционным штабом Западной Сибири, возглавляемым Усиевичем, офицерский отряд штабс-капитана Н.Н. Казагранди, преследовавший на пароходе «Семипалатинец» красных по Иртышу, разгромил 12 июня у села Картатеево между Омском и Тарой интернационалистов бывшего офицера австро-венгерской армии Карла Лигетти, захватил три паро-

хода, 175 винтовок, пулемет и 184 пленных вместе с командиром и в ночь на 19 июня прибыл в Тобольск. Утром Казагранди подписал приказ, которым объявил от имени Временного Сибирского правительства Советскую власть в городе низложенной. Вся военная и административная власть в губернии была передана коменданту Тобольска штабс-капитану Киселеву. Тогда от Иринарха, спрятавшегося от Хохрякова в Знаменском монастыре, они узнали об аресте епископа Гермогена.

При первом же столкновении с белыми у деревни Бачелино тюменская речная флотилия потерпела поражение: красные потеряли два разведывательных парохода «Тобольск» и «Юрий», шесть человек убитыми и 23 пленными.

Первоначально отряд Казагранди насчитывал 71 бойца, на вооружении которых, помимо винтовок, имелось 11 пулеметов и одно артиллерийское орудие.

Сослуживцы Казагранди вспоминали: «Отряд благодаря неустанным заботам своего командира редко испытывал материальные затруднения и, следуя его примеру, доблестно и всегда успешно выполнял ставимые ему боевые задачи. Имя штабс-капитана Казагранди как офицера и начальника, связанное со многими блестящими и

лихими делами белых, приобрело в Сибири и Приуралье широкую и вполне заслуженную большую и добрую известность. Оба его помощника — капитаны Цветков и Ушаков — были также выдающимися во всех отношениях офицерами».

На базе этого отряда впоследствии был создан 16-й Ишимский стрелковый полк.

Решающее сражение произошло 29 июня у села Покровского. Здесь красные впервые применили снаряды с удушающими газами. Белые дрогнули, отступили в село Ярково, где укрепились. Хохряков давил, а на него, в свою очередь, давил тюменский военно-революционный штаб. Его руководители боялись, что противник, наступавший на Тюмень со стороны Ишима, перережет фланговым обходом железную дорогу на Екатеринбург. Тогда одно спасение — на Тобольск, оттуда по Иртышу и далее по Конде и Сосьве на еще «красный Урал».

Но пробить белый щит на Тоболе красная флотилия не смогла. Хохряков понял: ему не бывать в Тобольске. Никогда. И он приказал поднять на палубу «Оки» епископа Гермогена. Начиналось 30 июня — ровно два месяца после его ареста. О чем они говорили, ведь столько дней и ночей вместе? Думаю, не только о спрятанном золоте.

А о вере — старой и новой. О жизни — земной и загробной. Да мало ли о чем могли говорить молодой мужчина и 60-летний старец!

Почему Хохряков не отпустил Гермогена на волю? Посадил бы в лодочку — вон они, белые пароходы, за ближайшим речным мысом. Или высадил бы на берег — епископ сам, не спеша, опираясь на посох, дошел бы до тобольских храмов.

Судя по воспоминаниям и свидетельским показаниям, Хохряков не был жестоким. Лишенный всякой сентиментальности комиссар Яковлев считал его «довольно толковым, основательным и спокойным руководителем Тобольского Совета...». Избежавшая в Екатеринбурге расстрела нянечка царевен Александра Теглева говорила впоследствии белогвардейскому следователю Соколову (он вел расследование убийства царской семьи): «Про Хохрякова не могу сказать ничего плохого, но Родионов (комендант в тобольском губернаторском доме после ухода гвардейской охраны) — это был злобнейший гад...».

Почему? Да потому, что рядом стояла морская братва, которая отреклась от Бога и поверила в него — кочегара-адмирала — как в новое божество и кричала-требовала: «В воду долгогривого!».

Но главное: не смог Хохряков преодолеть рубеж, отделяющий святых от смертных. Тот рубеж — зависть! Сокровища царские — так они его поманили. Но где спрятаны, знает только Гермоген. Так ни мне и никому! И махнул рукой...

Свидетельств утопления епископа Гермогена не найдено. Все историки ссылаются на слова уральского чекиста Михаила Медведева. Ему, мол, рассказал сам Хохряков: «А потом я вывез его на середину реки, и мы привязали к Гермогену чугунные колосники. Я толкнул его в реку. Сам видел, как он шел ко дну...».

Словам Медведева я не верю: не могли они встретиться, разные у него с Хохряковым были пути отступления. Не дошел «речной адмирал» до места возможной встречи с чекистом Медведевым.

На сороковины после утопления епископа Гермогена на маленькой железнодорожной станции Крутиха прилетела из леса пуля. Всего одна пуля, казалось, слепая, а Хохрякову — в сердце. Но морская братва не бросила своего мертвого командира и, несмотря на жару, донесла его тело до Перми, где и похоронили.

Березовское разоблачение ничему не научило террориста Заславского. Командиром он тоже оказался никудышным. В ночь на

15 июля у юрт Муллашевских возле Тюмени белые казаки и чехи врасплох напали на спящих в лесу матросов и почти всех, включая Заславского, перерезали. Спаслось бегством не больше 30 человек. Противнику досталось девять пулеметов, много винтовок и другие трофеи. Красные были вынуждены сдать Тюмень без боя. 20 июля около 17 часов в город вступили передовые сотни 2-го Сибирского казачьего полка и разведка отряда Казагранди.

Официального расследования убийства епископа Тобольского Гермогена белые, в отличие от следствия о расстреле Николая II и его семьи, не проводили. Но Иринарх, ставший уже при Колчаке епископом Тобольским и Сибирским, выяснил, судя по его выступлению при погребении Гермогена в Тобольске, все обстоятельства расправы с архипастырем.

А через 15 лет в обвинительном заключении по делу № 8654 о поповско-кулацкой контрреволюционной повстанческой организации «Союз спасения России» следователи ОГПУ написали: «...В связи с вскрытием контрреволюционной организации, ставившей целью освобождение Николая Романова, Гермоген был арестован совместно с другими членами этой организации, а при отступлении Красной Армии

из Свердловска утоплен в реке Туре поблизости к Тобольску...».

Такая трактовка гибели епископа не устроила Полномочного представителя ОГПУ по Уралу Рапопорта, и он возвратил следствию обвинительное заключение без своего утверждения. Следователи, недолго думая, чернилами подправили несколько букв в машинописном тексте, получилось «не утоплен», а «утонул».

Еще пуще рассердился главный чекист Урала и, не доверяя более нерадивым подчиненным, собственной рукой густо зачеркнул коричневым карандашом строки об утоплении. Вывел: «...приговорен к ВМН». Что значило: к высшей мере наказания. Как бы по закону. Хотя какой приговор — убийство.

Где золото?

Опять же, в отличие от останков царской семьи, белые быстро нашли тело епископа Гермогена. Иринарх опознал учителя и при его погребении 2 августа в Тобольске поклялся сохранить тайны святого тобольского мученика. Сам тоже принял муки немалые, но клятву сдержал. На допросах в ВЧК-ГПУ одно твердил: «...К проживающей в Тобольске в дни моего служения там царской семьи Романовых я никакого от-

ношения не имел. Имел какую связь епископ Гермоген — не могу судить, так как о таких делах он со мной не говорил и своих тайн мне не открывал».

Но в паутине очных ставок признался: «...Когда я был епископом Тобольским в 1919 году, в Тобольск приезжал Верховный правитель России адмирал Колчак с генералом Пепеляевым — начальником обороны — и двумя адъютантами. Они присутствовали на молебне, который я совершил с соборным духовенством у мощей Иоанна Тобольского. В конце молебна дьякон Алерский или Лопатин провозгласили «многие лета» Верховному правителю. После окончания молебна я пригласил Колчака с его сопровождающими на стакан чая. За чаем Колчак посоветовал мне вывезти святыни и ценности и самому уехать из Тобольска».

Следствие интересовалось духовным окружением Николая II и его семьи в Тобольске, участием этих священников в эвакуации церковных и иных ценностей на восток в сентябре 1919 года. И здесь Иринарх немногословен: «Духовником царской семьи первоначально был протоиерей и настоятель Благовещенской церкви Алексей Васильев, который был вхож в дом, где жила царская семья, имел какую-

то связь с охраной царя... После того как в Рождество дьякон Евдокимов по предложению Васильева после молебна провозгласил царской семье многолетие, Васильев из духовников был убран и заменен протоиереем настоятелем кафедрального собора Владимиром Хлыновым. Поскольку его епископ Гермоген из законоучителей Тюменского реального училища перевел на самостоятельное место в кафедральный собор в Тобольск, а Гермоген видел спасение России только в возвращении царя, то допускаю, что и Хлынов мог быть монархистом... Серебряную раку из-под мощей Иоанна Тобольского Хлынов вывез вместе с другими святынями и ценностями по моему предложению, так как от гражданской власти было приказано вывезти все ценности. Первоначально я колебался, как поступить с мощами, но после опроса верующих и узнав от двух монахов из Верхотурья, что там мощи Симеона Верхотурского спрятаны на месте, а вывезена только одна рака, так же поступил и я. Ночью я, Иринарх, Хлынов, дьякон Лопатин и старый соборный (ныне умерший) закопали мощи Иоанна Тобольского под кафедральным собором...».

Тогда ОГПУ взялось за арестованного по одному же с Иринархом «поповско-по-

встанческому делу № 8654 56-летнего Хлынова Владимира Александровича, происходившего из духовной семьи, окончившего в 1901 году духовную семинарию, эвакуировавшегося из Tobольска с белыми в Сибирь и отсидевшего за это два года на Соловках, служившего перед арестом настоятелем Ильинской церкви в Тюмени.

Бывший духовник царской семьи показания Иринарха подтвердил, но дальше уперся: «...сопровождал святыни, среди которых были иконы Абалакской и Tobольской Божьей Матери, серебряно-вызолоченную раку из-под мощей Иоанна Tobольского и другие ценности, в их числе и принадлежавшие царской семье, по рекам Иртышу и Оби на пароходе только до села Тундрино Сургутского уезда. Дальше в Сибирь отступал в отряде коменданта Tobольска Киселева, церковных святынь и ценностей в двух больших и четырех маленьких ящиках с нами уже не было, где они могут быть, не знаю...». Сколько с ним следователи ОГПУ ни бились, одно твердил: «Не знаю». Видно, и у него была своя клятва пастырю Гермогену.

Но другие приближенные к его тайнам не проявили такой стойкости и вывели уральских чекистов к той части царских ценностей, которую епископ Гермоген, на-

деясь на поддержку патриарха Тихона в принятии Николаем монашеского сапа, переправил заранее в Ивановский монастырь. Перепрятать их он уже не успел.

Эти драгоценности игуменья монастыря Дружинина незадолго до своей смерти передала своей помощнице Уженцевой, которая прятала их в разных местах, а после закрытия монастыря хотела бросить в Тобол. Да сожитель отговорил — разбогачиться хотел. Арестованная монахиня созналась в хранении царских ценностей — надеялась на снисхождение. Под полом дома ее сожителя в двух больших стеклянных банках чекисты нашли «154 предмета общей стоимостью 3270693 золотых рубля 50 копеек...». Следовало описание предметов. Несмотря на все дальнейшие старания, ОГПУ не удалось разыскать ни тайников Гермогена, ни сокровищ, вывезенных из Тобольска и сокрытых где-то в Среднем Приобье или на Обском Севере.

А об Уженцевой осталась только запись в «Книге расстрелянных»: «Уженцева Марфа Андреевна, 1875 г. р., ур. д. Блиинниково, ныне Тобольского района. Быв. монахиня Ивановского монастыря, г. Тобольск. Расстреляна в Тобольске 26.11.1937 г. Реабилитирована 30.12.1956 г.». Не зачлось 62-летней старушке ее признание.

Судьбу других хранителей тайн епископа Гермогена решила 14 мая 1932 года коллегия ОГПУ: «Слушали: дело № 8654 по обвинению Синеокова-Андреевского Иринарха, Хлынова Владимира Александровича и других всего в числе 54 человек по статье 58.11. Постановили: заключить в концлагерь сроком на пять лет».

Иринарха отправили в Сиблаг ОГПУ, где он и сгинул. А Хлынов?

Бывший следователь УКГБ по Тюменской области Валерий Завьялов рассказал мне, что в начале 70-х годов к нему обратился старичок божий одуванчик и передал карту-схему тайников церковных и других сокровищ. Свое обращение в КГБ сопроводил дед такими словами: «Всю жизнь я от вас страдал, а допустить к тайне, кроме вас, некого». И ушел — растворился.

Молодой в ту пору лейтенант «в сказки о кладах не поверил — много блаженных приходило тогда в КГБ», но требования ведомственной инструкции выполнил: передал карту-схему в краеведческий музей. А я думаю: старичок тот был... Хлынов.

Историк Радзинский в книге «Николай II: жизнь и смерть» предположил: «Может, и сейчас зарыт где-то в подполье старого тобольского дома чемодан коричневой кожи

с царским гербом и пудом романовских драгоценностей. И лежат в сибирской тайге царская шашка и романовские бриллианты...».

Может быть...

Из выступления епископа Березовского Иринарха 2 августа 1918 года

(публикуется впервые)

...Епископ Гермоген происходил из духовной семьи. Отец Ефрем Долганев был единоверческим священником в Херсонской епархии, впоследствии в монашестве архимандрит Иннокентий, духовник Саратовского Спасо-Преображенского монастыря. В мире будущий святитель именовался Георгием. По окончании курса духовной семинарии он поступил в Одесский университет, курс которого прошел на двух факультетах (филологическом и юридическом). Затем Георгий Долганев поступил в Петроградскую духовную академию, где принял монашество с именем Гермогена. После окончания академии был назначен на пост инспектора Тифлисской духовной семинарии. Молодой инок быстро овладел грузинским языком, ознакомился с историей и бытом православной Грузии.

В 1898 году иеромонах Гермоген был на-

значен ректором Тифлисской духовной семинарии с возведением его в архимандриты. Он был неутомим в трудах по созданию церковных школ и миссионерству среди населения окраин. Архимандрит неустанно служил и трудился в местности, именуемой «Колючая балка», где жили подонки общества. Сперва молитвенный дом, а затем и прекрасный храм с множеством колоколов украсил собой то место, где раньше были лишь слышны песни пьяного разгула.

2 декабря 1900 года архимандрит Гермоген стал епископом Вольским, викарием Саратовской епархии. 15 января 1901 года состоялась хиротония Тифлисского ректора в епископы. В 1903 году он получил Саратовскую кафедру, на которой пробыл девять лет до известной катастрофы, когда владыка Гермоген был уволен на покой и помещен на жительство в Жировицком монастыре Гродненской епархии.

2 марта 1917 года Святейшим Синодом епископ Гермоген назначен на Тобольскую кафедру. Но уже 15 апреля 1918 года 60-летний старец преступной рукой злодеев, тогдашних правителей Тобольска, предательски схвачен и увезен в Екатеринбург. В начале июня враги Церкви и Отечества перевели епископа Гермогена на Покров-

ский фронт, подвергли его там издевательствам, заставляя таскать песок и доски на пароход. После неудачного боя с правительственными войсками при отступлении в ночь на 16 июня (старый стиль) в половине первого ночи страдалец епископ с камнем, привязанным к рукам, был потоплен с парохода «Ока» на реке Тоболе близ Карбанских юрт — на 23 версте от с. Покровского. 3 июля честные останки святителя обретенны на берегу реки близ деревни Усалки в 12 верстах от места потопления (теперь там водружен крест) и перевезены сперва в с. Покровское, а затем 28 июля в г. Тобольск для погребения.

(Текст выступления приобщен к делу № 8654. Т. 3. Л. 171–173).

**Из послания архипастырей и членов
Всероссийского Священного Собора
епархий Сибирских и Приуралья — всем
чадам православной церкви епархий,
освобожденных от советской власти.**

28.12.1918 г. /10.01.1919 г.

...Среди тяжелых испытаний пережитой нами великой мировой войны Господь допустил для нашего Отечества новое тяготейшее испытание в виде государственных переворотов, последовавших в 1917 году.

Царская власть пала. Установлено было Временное правительство. Его заменила немецко-советская власть. Произошел распад государства, и появились местные правительства. Неизбежно явилась гражданская война.

...Продолжающаяся ныне гражданская война сосредоточена на линии Приуралья. Сибирь и весь Восток православной Сибири оказались отрезанными от Москвы и пребывающего в ней Всероссийского Святейшего Патриарха и при нем Высшего церковного управления.

...Три епархии: Якутская, Приморская и Семиреченская — по разным причинам остаются без архипастырей и просят себе возглавления.

...Так составилось Томское Соборное Совецание.

...На Соборное Совецание в Томск явилось 13 архипастырей... 1-14 ноября с.г. 1918 под предводительством Симбирского архиепископа Вениамина при почетном председателе Казанском митрополите Иакове.

...Соборное Совецание установило Высшее Временное церковное управление. Составлено из 3-х епископов, двух просвитеров и двух мирян. Председательствование поручено Омскому архиепископу Сильвес-

теру, как архипастырю того города, где находится ныне Высшая Государственная власть.

Подписали:

Иаков, митрополит Казанский; Вениамин, архиепископ Симбирский и Сызранский; Сильвестер, архиепископ Омский и Павлодарский; Иоанн, архиепископ Иркутский и Верхоленский; Мефодий, архиепископ Оренбургский и Тургайский; Анатолий, архиепископ Томский и Алтайский; Андрей, епископ Уфимский и Мензелинский; Григорий, епископ Екатеринбургский и Ирбитский; Назарий, епископ Енисейский и Красноярский; Иринарх, епископ Березовский; Иннокентий, епископ Бийский; Гавриил, епископ Барнаульский; Борис, епископ Чебоксарский.

*Текст послания приобщен к делу
№ 8654. Т. 3. Л. 174-175.*

Тов. Юринс*

Сообщаю тебе историю с ожерельем.

В 1922-24 г. в бытность мою в Тобольске велась разработка бывшего Ивановского монастыря (он от Тобольска, кажется, 7-8 км), было обнаружено мною спрятанного (замурованного в могилах, в колоколь-

* Заголовок документа.

нях, в стенах монастыря) имущества, среди которого было много имущества, принадлежащего царской семье (белье, посуда, переписка Распутина и т.п.).

Все это было обнаружено с помощью монашек, среди которых был антагонизм, что помогало ГПУ. Причем было установлено, что есть спрятанное ожерелье царицы, его прятала бывшая игуменья Дружинина, она умерла при аресте, и еще знала одна схимница, очень старая, и больше никто. Все это было проверено, схимница подтвердила это, даже принесла посуду, которая была с ожерельем, но ожерелье не выдала, так как ей было наказано игуменьею Дружининой умереть, но ожерелье не давать, по этой причине разработка затянулась, я ее передал с уходом из ГПУ в 1925 году. Желательно, чтобы это проверили и восстановили разработку, надо попробовать поискать, найти его... Этим делом когда-то интересовалось и III ОГПУ по Уралу, так что этот материал должен быть в Тобольском ГПУ. Разработку его вел Игнатий Кузнецов, он был тогда уполномоченным Инфо. Ну и все. Малецкий.

ЦОА ФСБ РФ.

*Коллекция документов
«Романовские ценности».*

Т. 1. Л. 29.

**Спецзаписка ПП ОГПУ по Уралу
заместителю председателя ОГПУ т. Ягоде
об изъятии царских ценностей
в г. Тобольске**

В результате длительного розыска 20 ноября 1933 года в городе Тобольске изъяты ценности царской семьи. Эти ценности во время пребывания царской семьи в г. Тобольске были переданы на хранение камердинером царской семьи Чемодуровым игуменье Тобольского Ивановского монастыря Дружининой. Последняя незадолго до смерти передала их своей помощнице — благочинной Марфе Ужинцевой*, которая прятала эти ценности в колодце, на монастырском кладбище, в могилках и ряде других мест. В 1924–25 году Ужинцева собиралась бросить ценности в реку Иртыш, но была отговорена от этого б. тобольским рыбопромышленником Корниловым В.М., которому и сдала ценности на временное хранение.

15 октября с.г. Ужинцева призналась в хранении ею ценностей царской семьи и указала место их нахождения... (ценности в двух стеклянных банках, вставленных в деревянные кадучки, были зарыты в подполье в квартире Корнилова).

* Правильно Уженцева М.А.

Среди изъятых ценностей имеются: 1) брошь бриллиантовая в 100 карат, 2) три шпильки головные с бриллиантами в 44 и 36 карат, 3) полумесяц с бриллиантами до 70 карат (по некоторым сведениям, этот полумесяц был подарен царю турецким султаном), 4) диадема царских дочерей и царицы, и другие.

Всего изъято ценностей, по предварительной оценке наших экспертов, на сумму в три миллиона двести семьдесят тысяч шестьсот девяносто три золотых рубля (3270693 руб.).

ПП ОГПУ по Уралу Решетов.

ЦОА ФСБ РФ.

Там же. Л. 24–25.

Березово: красная весна, белое лето

В январе 1918 года Тобольская губерния состояла из уездов: Березовского, Ишимского, Курганского, Сургутского, Тарского, Тобольского, Туринского, Тюкалинского, Тюменского, Ялуторовского.

В Березовский уезд входило 11 волостей: Березовская (городовая), Елизаровская, Кондинская, Казымская (инородческая), Кодская (инородческая), Куноватская (инородческая), Ляпинская (инородческая), Обдорская (остяцкая), Обдорская (самоедская), Подгородная и Сосьвинская (инородческая).

В Березовском уезде было 257 селений, действовало 17 православных церквей, 11 часовен, одна библиотека, 13 школ, 6 постоянных дворов, 6 винных лавок, одна чайная, 68 торговых лавок, одна водяная мельница, 11 кузниц, одна пожарная, две ярмарки, 25 почтовых станций.

Горячие ссыльные парни

Считается: «...В Березове в конце января 1918 года на общем собрании городской бедноты и демобилизованных солдат под председательством талантливого организатора политического ссыльного большевика Т.Д. Сенькина было принято решение образовать революционный комитет. Вслед за этим большевики организовали из бедноты Березова «Рабочий союз», в который вошло около 500 человек. В марте власть в Березове полностью перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Земская, волостные и «инородческие» управы были упразднены. Организована Красная гвардия под командованием Т.Д. Сенькина. Беднота начала отбирать у рыбопромышленников снасти и невода и делить их между собой».

Налицо местное «триумфальное шествие советской власти» и своя «красногвардейская атака на капитал».

Назван состав первого ревкома: кроме упомянутого Сенькина — Ф.Ф. Котовщиков, И.Ф. Филиппов, Н.Л. Ильин, Д.Н. Ильин, М.П. Кузнецов, Н.С. Михайлов, П.И. Сосунов, Л.Я. Железнов, А.Г. Нижегородцев, Ф.М. Защипов, К.Г. Шмуклер.

В октябре 1937 года НКВД арестовал Ивана Филипповича Филиппова, 1888 года

рождения, уроженца Березова, зырянина. В анкете арестованного отмечено: «Служил в Красной гвардии с февраля по май 1918 года, в армиях белой и красной не служил, состоял в ВКП(б) с 1918 по 1922 годы, выбыл в связи с судебным делом, работал в Тобольске председателем артели «2-я пятилетка», предъявлено обвинение за знакомство с Углановым и за контрреволюционные разговоры».

Николай Александрович Угланов был с 1925-го по 1929 год секретарем Московского комитета партии и кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). За оппозиционную деятельность назначен в мае 1933 года управляющим Обьрыбтрестом в Тобольске — фактически отправлен в ссылку. После его ареста в 1937 году десятки обских рыбаков расстреляли по обвинению в «углановщине», то есть только за знакомство с Углановым.

Доказывая свою невиновность, Филиппов представил следствию свои собственноручные показания-воспоминания о событиях весны-лета 1918 года в Березове и о своем участии в поисках кладов белогвардейцев и местных богачей.

«...В январе 1918 года, — писал Филиппов, — в Березов из Кондинска приехали Михаил Петрович Кузнецов, председатель

потребительской кооперации и кредитного товарищества, со своим бухгалтером Павлом Ильичом Сосуновым. Образовалась группа в составе:

1. Федор Федорович Котовщиков, работал бухгалтером, потом председателем кредитного товарищества, очень способный кооператор, окончил городское училище, после смерти родителей имел в своем иждивении двух братьев, четырех сестер и престарелую тетку, прекрасный оратор;

2. Тихон Данилович Сенькин, политический ссыльный с 1905 года, социал-демократ, большевик, малограмотный;

3. Филипп Мелентьевич Защипов, политический ссыльный, большевик, мастер на все руки: часовщик, фотограф, химик, художник;

4. Лев Яковлевич Железнов, рыбак, кооператор, хорошо владел языками ханты и манси, трудолюбивый мужик, шестеро ребятишек — мал мала меньше;

5. Иван Филиппович Филиппов;

6. Николай Львович Ильин, старый кооператор, хорошо грамотный, бухгалтер, председатель кооператива;

7. Ал. Георгиевич Нижегородцев, сын чиновника, телеграфист;

8. Константин Георгиевич Шмуклер, окончил городское училище, телеграфист;

9. Дем. Николаевич Ильин;

10. Константин Георгиевич Нижегородцев;

11. Николай Иванович (фамилию не помню), политссылный;

12. Михаил Петрович Кузнецов, окончил городское училище, до революции работал помощником писаря;

13. Павел Ильич Сосунов, сын ссыльного черкеса, батрак, хорошо грамотный, после военной службы телеграфист, исключительно честный и смелый человек».

Не случайно присутствие в группе трех телеграфистов: все политические новости доходили тогда до уездного Березова по телеграфу. Так узнали о февральских событиях 1917 года в Петрограде, об отречении царя от престола и об Октябрьском перевороте. Ссылным и примкнувшим к ним местным романтикам терять было нечего.

«В начале марта, — повествовал Филиппов, — наша группа решила захватить власть в свои руки революционным путем и создать уездный Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Вооруженная сила в Березове была представлена штабс-капитаном Салминым, командиром роты солдат в количестве 72 человек. Это Георгиевские кавалеры из раз-

ных частей действующей армии, имевшие ранения на фронте и считавшиеся выздоравливающими.

Был намечен такой план действий:

1. Арестовать уездного исправника Л.Н. Ямзина, его помощника Н.Т. Кушников, купца С.П. Шахова. Это задание было дано Сенькину и К.Г. Нижегородцеву.

2. Арестовать штабс-капитана Салмина, предъявив ему обвинение в неисполнении декрета Совета народных комиссаров о роспуске старой армии и организации Красной гвардии, разоружить местную команду и распустить ее по домам. Это было поручено мне и Сосунову.

3. Арестовать начальника березовской тюрьмы и освободить заключенных в ней. Поручено Защипову и Д.Н. Ильину.

4. Взять под контроль почту и телеграф поручено А.Г. Нижегородцеву и Шмуклеру.

В ночь на 9 марта каждый отправился выполнять свое задание. Все получилось как нельзя лучше, только Салмин как заядлый монархист заупрямился и не сразу подчинился нашему приказу от имени совета по березовскому гарнизону, который мы написали заранее.

Салмин со своей семьей жил в отдельной квартире, при нем находился денщик.

Мы разоружили штабс-капитана, произвели у него обыск и отвели Салмина в канцелярию команды, где он по нашему требованию предложил писарю составить приказ о роспуске солдат местной команды и сдаче всего оружия и боеприпасов Березовскому военно-революционному комитету. Потом мы отвели офицера в тюрьму и отправились в казарму, где зачитали солдатам декрет СНК и приказ Салмина о демобилизации и разоружении. Было также сказано, что утром 9 марта они могут ехать по домам, для них будут поданы подводы. Солдаты приняли наше предложение с большой радостью и тут же стали сдавать оружие.

На следующий день по городу на столбах были расклеены объявления и разослан по учреждениям под расписку приказ ВРК о том, что власть Временного правительства закончилась».

Попытка березовских купцов натравить на бунтовщиков окрестных охотников ханты и манси провалилась. Происходивших в городе событий «инородческое» население не понимало: по большому счету им было все равно, кто в уезде представляет «власть», с которой ассоциировались «порядок» и «товарообмен». Купцов, как всегда, подвела жадность, а новые «хозяева»

Березова не скупилась: «вызвали в ревком заведующего хлебозапасным магазином и приказали ему отпустить каждому приехавшему на сход ханты по мешку муки. Ханты были очень довольны и на следующий день все разъехались по своим угодьям».

Однако «на призыв Березовского ВРК желающих добровольно вступить в Красную гвардию оказалось очень мало». Записались только Сенькин, который стал начальником, Филиппов, Д.Н. Ильин, К.Г. Нижегородцев, К.И. Ануфриев, С.Е. Попов и И.И. Конкуров. Какие уж там 500 человек из поздних исторических исследований. «Сочувствующих, — считал Филиппов, — было больше, но положиться на них мы не могли, так как они были заняты на хозяйственных работах по найму. Некогда было другим людям заниматься революционными делами, они трудились, содержали семьи, растили детей и всегда и во всем полагались только на себя.

Показать характер

Родственники арестованных Ямзина, Кушникова и Шахова жаловались в Тобольск губернскому комиссару В.Н. Пигнатти на самоуправство ревкома. Опасаясь наказания за захват власти, березовские заговорщики обратились за помощью в

Тюмень, Омск, Екатеринбург и даже в Петроград. Из «колыбели революции» в Березов прислали трех балтийских матросов-радиостов с радиоприемником. Они наладили прием сообщений об обстановке в стране, но общаться с другими городами можно было только по телеграфу, и то через Тобольск. Омск и Екатеринбург предлагали насаждать в уезде советы и для придания законности новой власти провести 15 апреля уездный съезд в Березове.

По свидетельству Филиппова, «делегаты с мест не приехали из-за распутицы, поэтому представительство от волостей распределили между членами ревкома. Председателем уездного совета выбрали Котовщикова, его заместителем — Кузнецова, остальные ревкомовцы стали членами президиума». Волости затаились, а Обдорск не признал полномочий ни ревкома, ни совета.

В Березове «по инициативе возвратившихся с фронта прапорщиков С.Ф. Нижегородцева и А.Н. Кушникова был создан «Союз фронтовиков». В него, по словам Филиппова, записались не только демобилизованные солдаты, но и местные купцы, полицейские и даже попы. Наши попытки распустить «Союз» или ввести туда нам сочувствующих оказались безуспешными. Из-

Место ссылки — Тобольск

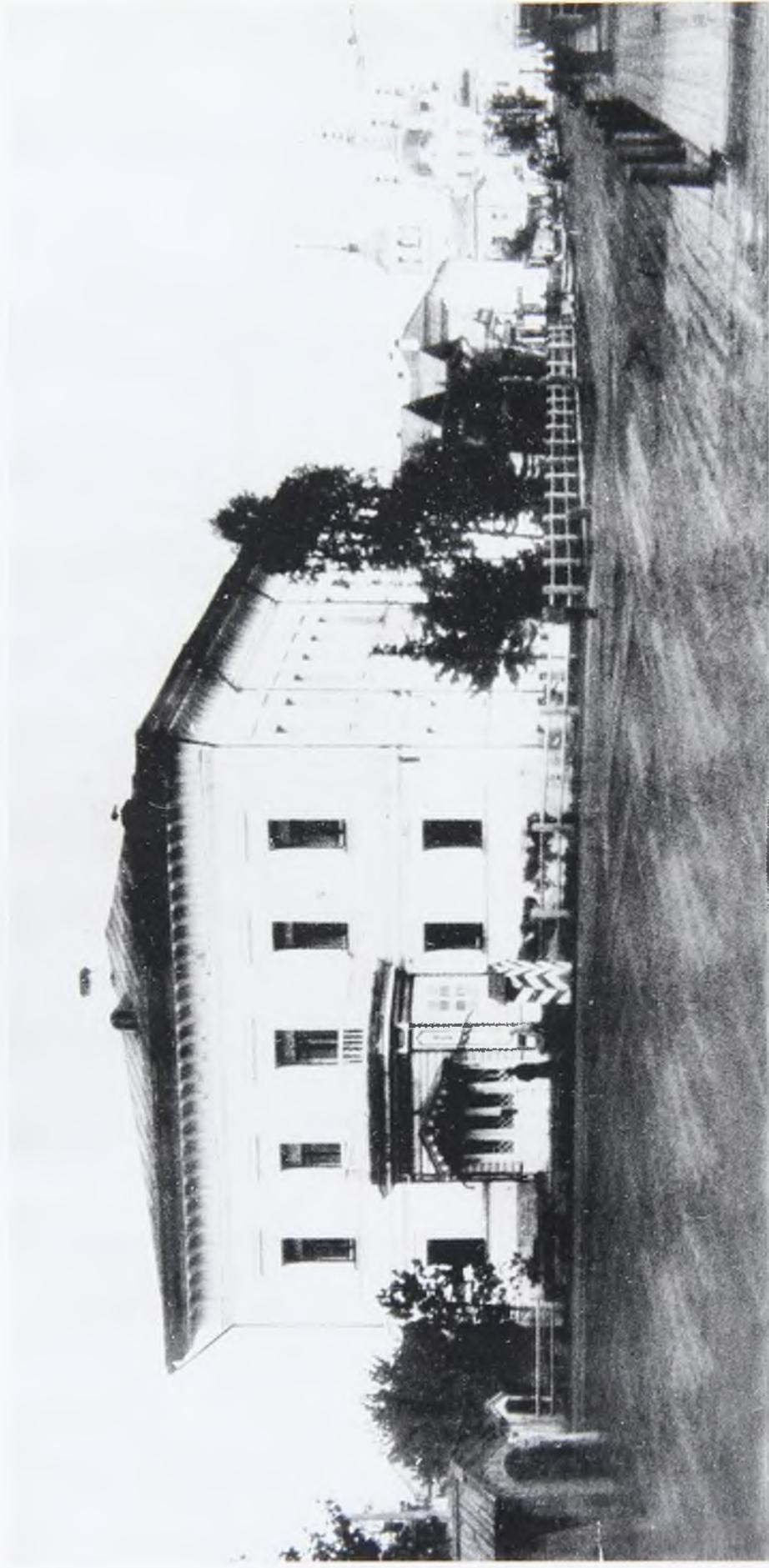
Тобольск 1918 г. Нагорная часть

Место ссылки — Тобольск

Тобольск 1918 г. Подгорная часть

Место ссылки — Тобольск

Губернаторский дом. В нем размещалась царская семья

Побег на Север

Абалакский мужской монастырь

Побег на Север

Ивановский женский монастырь

Побег на Север

Епископ Тобольский
и Сибирский Гермоген

«Тили-тили тесто...»

Павел Хохряков — кочегар линкора «Император Александр III», заместитель председателя Екатеринбургской ЧК, «хозяин» красного Тобольска 1918 г.

Продается царь

Николай II в Тобольске

Продается царь

Николай II в Тобольске

Продается царь

Николай II в Тобольске

СКОЛЬКО СТОИЛО ОСВОБОЖДЕНИЕ

Тобольская городская дума во времена Временного Сибирского правительства (июль 1918 г.)

Комиссары Тобольской губернии при Временном
Сибирском правительстве (июнь—октябрь 1918 г.)

Где золото?

„Утверждаю“
III ОГПУ по Уралу
Рапорт

18 марта 1932 г.

Обвинительное заключение

по делу № 8654 поповско-кулацкой к.-р. повстанческой организации „Союз Спасения России“

Декрет об отделении церкви от государства с первых же дней поставил на путь активной к-р борьбы с Соввластью православную церковь, являющуюся в течение ряда столетий верным оплотом самодержавия и пользовававшуюся особенными привилегиями со стороны царского правительства.

Лишение православного духовенства былых привилегий не могло не создать отрицательное отношение их к Соввласти.

Священнослужители б.Тобольской губернии пользовались особым вниманием царствующего дома *Романовых* и «удостаивались» неоднократным посещением членов царской семьи, в том числе самой Александры *Романовой* с наследником Алексеем и Григорием *Распутиным*, являющимся выходцем из гр. Тобольской губернии.

В связи с определением Временным Правительством места ссылки для Николая *Романова* и его семьи в гор. Тобольске, Св. Синодом на Тобольскую епархию был назначен известный монархист б.Саратовский архиепископ Гермоген, который и прибыл в Тобольск незадолго до приезда туда царской семьи.

С первого же дня своего пребывания на Тобольской епархии Гермоген ставит задачей возобновление деятельности „Союза Русского Народа“, но под вывеской: „Православное церковное общество единения клира и мирян“, ставившего своей целью объединение духовенства и мирян вокруг церкви для активной борьбы с революционным движением и внедрение еще большего консерватизма и религиозности в массу верующих, всячески оберегая их от влияния революционных идей.

Наряду с созданием Союза, Гермоген, при посредстве духовенства и верующих, старался влиять и на остальные прослойки населения в благожелательном для самодержавия духе, проводя открыто агитацию против интересов революции.

Архиепископ Гермоген, по приезде в ссылку царской семьи, совместно с основной группой духовенства принимает деятельное участие в работе к-р организации, создавшейся в Тобольске с целью освобождения Николая *Романова*. В этой организации Гермоген играл одну из руководящих ролей и осуществлял связь между организацией и Николаем

Утопление

Похороны епископа Гермогена
в Тобольске (август 1918 г.)

Путешествие натуралиста

Тобольский губернский комиссар
В. Н. Пигнатти

Путешествие натуралиста

Г.М. Дмитриев-Садовников

за нашей малочисленности мы не могли применить к ним силу. Кроме того, наш совет был ослаблен отъездом Сенькина в Обдорск».

Непокорный Обдорск требовалось призвать к революционному порядку: сначала дали туда телеграмму о командировании вооруженного отряда в количестве 35 красногвардейцев. На самом деле поехал только Сенькин с сопровождавшими его Д.Н. Ильиным, К.Г. Нижегородцевым и К.И. Ануфриевым.

В Обдорске они созвали собрание, на котором заявили, что «большая часть отряда задержалась на станке Шурышкары за отсутствием подвод и прибудет позже, после чего пообещали за невыполнение распоряжений уездного совета арестовать весь состав земства и отправить в березовскую тюрьму к заключенным в ней бывшим руководителям уезда».

Так был организован в Обдорске волостной совет. Филиппов считал, что «члены Обдорского земства хорошо знали характер Сенькина еще со времени его здешней ссылки. Тогда Сенькин открыто при народе стрелял в полицейского станового пристава Тарасова и его урядников. Поэтому они без всякого сопротивления сдали свои полномочия. А сам Сенькин со своими ре-

бьятами завесновал (остался до первого парохода) в Обдорске».

В истории нашего края Сенькин представлен как политический ссыльный, большевик, герой революции и гражданской войны, организатор и руководитель первых советов на Обском Севере.

Крестьянин Орловской губернии Мало-красноярского уезда Успенской волости села Каменки, 40-летний Тихон Сенькин, судимый в 1903 году за кражу Орловским окружным судом к одному году арестантских работ, действительно в 1905 году по постановлению Министерства внутренних дел был сослан в Березовский уезд Тобольской губернии под надзор полиции и определен на жительство в селе Обдорском. Только не за революционную деятельность, а «за подстрекательство крестьян к аграрным беспорядкам: погромам, поджогам и др.».

В 1911 году «за буйство и пьяный дебош в ренсковом погребе Голева-Лебедева в селе Обдорском по постановлению тобольского губернатора Сенькин отбыл трехмесячное заключение при полиции». В том же 1911 году «за покушение на убийство (о чем говорил Филиппов) по приговору Тобольского окружного суда провел полтора года в тобольских исправительных арестантских отделениях».

После этих случаев политические ссыльные, жившие в Обдорске вместе с Сенькиным, потребовали его удаления в Березов «под более строгий надзор полиции как уголовного преступника».

И вот он, перепоясанный ремнями и увешанный оружием, вернулся в Обдорск.

Бросай и беги

Известный специалист по истории Сибири доктор исторических наук, профессор М.Е. Бударин в 1966 году в рецензии на книгу «Очерки истории партийной организации Тюменской области» отметил: «...в большинстве работ по истории Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири почти совершенно не освещается классовая борьба на территории Обского Севера. У читателей может сложиться мнение, что эта огромная территория Северо-Западной Сибири в те годы находилась как бы в стороне от ожесточенных сражений».

Такое же впечатление складывалось и после прочтения его собственной монографии «Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири», изданной в Омске в 1952 году.

Михаил Ефимович с 1944 года почти десять лет был собственным корреспондентом газеты «Известия» по Омской и Тю-

менской областям и узнал, я уверен, все тайны нашего края. Бударина еще в 60-е годы, при жестокой цензуре и строгой секретности, допустили, пожалуй, единственного из ученых, писателей и журналистов, к бесценной исторической сокровищнице — архивным документам Омского УКГБ (этот архив имеет региональный статус). Он написал две книги: «Были о сибирских чекистах» и «Чекисты», выдержавшие несколько изданий и ставшие сейчас большой редкостью. Несмотря на понятную сейчас идеологически-ведомственную заданность этих книг, в них приведены уникальные исторические сведения. Там же автор впервые упомянул о пропавших орденах «Освобождение Сибири» и «Возрождение России». Я почти убежден: он видел чекистские материалы 20—30-х годов о розыске этих реликвий Сибирского белого движения. Чувствую, как его подмывало раскрыть эту тайну. Но он не мог этого сделать в то время — я это тоже понимаю. Как ему было рассказать правду об участниках гражданской войны на Обском Севере, когда и побежденные, и победители расстреляны как «враги народа», а в 1952 году эпохе Сталина—Берии, казалось, не будет и конца.

Но сибирские реки, в отличие от политических режимов, по установленным при-

родой правилам меняются сами и меняют жизнь на своих берегах.

«В конце апреля 1918 года, — сообщил на допросах Филиппов, — мы услышали из Петрограда сообщение по радио об активизации контрреволюционных сил и необходимости членам советов направляться из глубинки в пролетарские центры для защиты рабоче-крестьянской власти. В самый разгар распутицы мы не смогли выбраться из Березова и ждали первого парохода, рассчитывая захватить его и подняться вверх по реке Сосьве ближе к Надеждинским заводам.

Во второй половине мая пришел первый пароход «Арсений», переименованный в «Отважный», с рыболовецким караваном. На нем прибыл в Березов из Омска через Тобольск продовольственный отряд в количестве 45 хорошо вооруженных солдат под командой поручика Лагуновского, который остановился на квартире Шахова. Хотя все документы Лагуновского были в полном порядке, за подписями и печатью Омского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, мы не решились открываться ему, а стали ждать следующего, более подходящего парохода. Настораживало, что Лагуновский проводил все время в компании прапорщиков С.Ф. Нижегородцева и Кушни-

кова. Мы подозревали, что они затевают заговор против нас, но все еще надеялись на приход другого парохода.

А в Тобольске 17 мая 1918 года в исполкоме совета обсуждался вопрос о положении на Обском Севере. Решили послать в Березов и Обдорск на пароходе «Станкевич», переименованном в «Красную звезду», отряд красногвардейцев во главе с чрезвычайным комиссаром Пейселем. На всем пути своего движения на Север экспедиция должна была устанавливать Советскую власть, но главное — отбирать у зажиточной части местного населения «деньги в звонкой монете и другие ценности».

Тогда в Тобольский уезд входило шесть волостей: Демьяновская, Деншиковская, Самаровская, Уватская, Филинская, Юровская да три прибавилось: Батовская, Зенковская, Реполовская. Все села небедные, поэтому Пейсель и его вооруженное сопровождение увлеклись конфискациями и реквизициями. Награбили много, но до Березова не дошли. Остановило известие о мятеже чехословаков и захвате ими Омска.

Тремя днями раньше отряд поручика Лагуновского при содействии местного «Союза фронтовиков» разоружил охрану склада с оружием и боеприпасами, освободил из тюрьмы заключенных, в их числе Ямзи-

на, Кушникова и Шахова, и арестовал членов уездного совета.

Филиппов так описал этот переворот: «Солдаты и фронтовики окружали наши квартиры и, зная, что мы вооружены, открывали огонь. Ко мне в дом Лагуновский послал солдата Георгия Фомина с требованием сдаться. Фомин же так трусил, что сразу в передней, не говоря ни слова, выстрелил (позже он говорил, что нечаянно) и выскочил во двор. Услыхав выстрел, оцепление дома дало залп. Я бросился в кладовку, оттуда на чердак, выломал переборку, спрыгнул с крыши и убежал в лес. Но от нервного волнения у меня так разболелся зуб, что на следующее утро я решился лесом пройти в амбулаторию при больнице на окраине города. Когда я вошел в приемную, то фельдшера так перепугались, будто я с того света явился. Едва фельдшер взялся щипцами за мой зуб, как в помещение вошли пять вооруженных солдат: «Руки вверх!». Я рванулся, зуб сломался, фельдшера заломили мне руки, но я вырвался и, выхватив из-за пояса кольт, приказал этой пятерке немедленно убираться прочь, если хотят остаться в живых. Они выскочили в коридор, а фельдшера А.И. Локиц, Пр. Г. Копытов и доктор Малинин стали просить, чтобы я не стрелял в больнице, где есть

тяжело больные, а сдался добровольно, потому что все члены совета, за исключением меня, уже арестованы, но, может быть, все обойдется.

Я был в крови, вытекавшей из десны, и в возбужденном состоянии, но, прислушавшись к уговорам, решил сдаться, чтобы умереть вместе со своими товарищами из совета. В полицейском управлении я сдал кольт, и меня посадили в общую камеру. Обстоятельства моего ареста может подтвердить фельдшер Прокопий Георгиевич Копылов, который живет в Тобольске.

А 9 июня пришел пароход «Народник», принадлежавший жителям Березовского уезда, который мы так ждали. Он направлялся в Обдорск. Мне пришлось горько раскаяться, что я сдался. Когда любой пароход приходил в Березов, то все его население бросало работу и бежало на пристань. В такой обстановке я мог бы выскочить из своего лесного убежища, выпустить своих товарищей из тюрьмы, мы захватили бы пароход и оттуда били бы беляков, как куропаток. Но мечтать об упущенном было бесполезно».

Сведение счетов

Еще один член Березовского совдепа Константин Георгиевич Шмуклер, 1896 года

рождения, уроженец Тюмени, член ВКП(б), директор фабрики Заводоуспенской Тугулымского района, на допросе в Тюменском отделе ОГПУ в октябре 1928 года показал: «Березовский совет состоял из следующих товарищей: председатель совдепа Федор Котовщиков, расстрелян карательным отрядом при отступлении Колчака в 1919 году, члены совета — Филипп Защипов, Лев Железнов, Иван Филиппов. Начальником Красной гвардии был Тихон Сенькин. Я был членом совета, состоял председателем военно-революционного трибунала, заведовал отделом по борьбе с контрреволюцией, считался комиссаром тюрьмы и казначейства.

...Приблизительно 30 мая или 2—4 июня по нов. стилю в Березов прибыл пароход «Отважный», командир — Перепелкин, отъявленный белогвардеец, ныне проживающий в Тобольске. С парохода сошел отряд чехов, командир — поручик Лагуновский, всего 75 человек, вооруженных винтовками, но без патронов; имелись только гранаты. Лагуновский предъявил мне удостоверение: отряд продовольственный, заградительный, не пропускать баржи с рыбой частных владельцев. По решению совета отряду было выдано 2000 патронов к винтовкам «Гра».

4 июня этот отряд при содействии «Союза фронтовиков» в лице их заправил Георгия Фомина, прапорщиков Соленика, Кушникова под общим командованием Лагуновского произвели налет на совет и арестовали его членов. Меня взяли за обеденным столом. После арестов у контрреволюционеров состоялось совещание, на котором комендантом города был назначен прапорщик Нижегородцев».

Шмуклера допросили в связи с обвинением Нижегородцева «в участии в перевороте против Советской власти в Березове в 1918 году». Через десять лет после тех событий суд Уральской области приговорил Нижегородцева к трем годам тюрьмы. Он отбыл наказание, жил в Тюмени, работал бухгалтером на автодорожном рабфаке.

Но в августе 1937 года его арестовали. Из старого дела изъяли протоколы допроса Шмуклера и вновь предъявили эти показания в качестве обвинения. Тогда свидетель отметил: «Прапорщик Нижегородцев участие в разгроме Березовского совета и обстрелах наших домов не принимал». Не забыл он объяснить мотивы своей объективности: «В августе 1919 года в селе Самаровском я был словлен контрразведкой. Меня не расстреляли, потому что пришел

пароход, которым командовал Нижегородцев. Он меня и отстоял».

А отстоять самого Нижегородцева было некому: его расстреляли 31 октября 1937 года вместе с другими 48 тюменцами, служившими офицерами в царской и белой армиях. Реабилитировали в 1956 году. Осталась лишь анкета и короткие показания: «Нижегородцев Сергей Федорович, 1898 года рождения, уроженец г. Березова, до 1915 года учился, потом на военной службе: в царской армии по 1918 год, прапорщик; у белых с июля 1918 по январь 1920 года, поручик; в красном речном флоте с 1920 по 1924 годы, помощник командира парохода. Отец был рыбак, имел свой небольшой промысел, в 1929 году его раскулачили и вместе с матерью выслали из Березова. Моя семья — 3 человека: жена Вера, 39 лет, медсестра, сын Борис — 17 лет, дочь Валентина — 9 лет. Меня уже судили в г. Свердловске в 1928 году по статье 58 п. 2, и я отбыл 3 года в тюрьме и лагере за участие в свержении Советской власти в Березове в 1918 году. Кроме меня в этом выступлении участвовали Дубов (умер), Кушников (убит) и Лагуновский (ничего о нем не знаю). Я был назначен начальником команды из 20 человек, производил аресты работников совдепа и конвоировал их в Тобольскую тюрьму. В рас-

стрелах не участвовал. Членом офицерской контрреволюционной организации в Тюмени в 1937 году я не состоял».

Органы не обделили своим вниманием и капитана парохода «Арсений» — «Отважный». Константин Александрович Перепелкин, 1889 года рождения, уроженец Тобольска, работал на водном транспорте с 1906 года, окончил Казанское (Волжское) речное училище и считался одним из самых опытных северных речников: семь лет был первым помощником командира парохода и 17 лет командиром (капитаном). При белых служил у пароходчика Плотникова командиром парохода, носившего имя одного из сыновей хозяина. В 1921 году во время крестьянского восстания после ухода повстанцев из Тобольска Перепелкин спас караван из 30 судов от весеннего ледохода, за что «получил от местной фракции РКП(б) звание Герой Труда».

Тем не менее его арестовали в ноябре 1933 года «за антисоветскую агитацию против посылки рабочих затона для помощи в момент осенних заготовок овощей и картофеля». Но тогда транспортному прокурору Обь-Иртышского бассейна еще хватило смелости прекратить это дело. Он счел возможным «ограничиться взысканием по профсоюзной линии».

А как же буйный красногвардеец Сенькин? Что с ним стало? Обратимся к показаниям Филиппова: «Обратным рейсом на пароходе «Народник» (потом его переименовали в «Могучий») прибыл Сенькин с тремя своими красноармейцами. Их тут же на пристани попытались арестовать, но он бросился на Лагуновского с гранатой и наганом. Поручик с солдатами отступил. Но и Сенькин не решился в толпе взрывать гранату и стрелять. Поэтому, когда народ разошелся с пристани, его и обезоружили».

По утверждению Филиппова, «25–27 июня 1918 года всех арестованных членов Берзовского совдепа отправили на этом же пароходе «Народник» в Тобольск. В Демьянском к нам в трюм посадили еще одного избранника народа — омского большевика Петра Хотееенкова. Когда мы прибыли в Тобольск, то на пристани нас увидели Д.П. Реут и Михаил Петров, работники кооперации, бывшие политссылные, и стали выкрикивать: «Вы видите, товарищи и граждане, первых избранников народа. Черная реакция наложила руки на рабоче-крестьянских депутатов, дойдет очередь и до всех вас, если вы не будете оказывать сопротивления».

При этих выкриках конвой не рискнул сопровождать нас до тюрьмы, а отвел в бывший губернаторский дом, где ранее содер-

жался Николай Романов, и сдал нас городской администрации. Оттуда нас под охраной доставили в тюрьму».

Филиппов подробно изложил в своих показаниях обстоятельства своего заключения в Тобольской каторжной тюрьме, эвакуационного этапа летом 1919 года в Иркутск и дальше, в Александровский каторжный централ, знакомства с еще одним «героем революции и гражданской войны» А.В. Протасовым-Жизневым, совместного с ним бегства из тюрьмы, скитаний по глухой ангарской тайге, пребывания в красном партизанском отряде, работы в уже советском Иркутске, возвращения в январе 1920 года в Тобольск... Но о Сенькине — ни слова. Чем занимался тот в то время — неизвестно. Как будто ждал где-то нового безвластия в Березове. Дождался. И вновь, как чертик из шкатулки, появился в городе, привычно захватил в нем власть, объявив себя председателем уездного ревкома и «красным наместником Севера». У него были и власть, и золото, и то, что всегда дороже золота, — хлеб!

«Бунт» на пароходе «Пермяк»

26 октября 1921 года в Тюменскую губчека поступило письмо Тюменского районного комитета Всероссийского союза рабочих водного транспорта: «Препровождая при сем акт о вмешательстве вашего агента в дело управления судном «Пермяк», каковое явление противоречит всем изданным на сей предмет приказам и постановлениям Центра, а посему Райкомвод просит указать товарищам, находящимся на реках Оби, Тоболе, Иртышу, Туре и Тавде, о недопустимости в будущем подобных явлений, а тов. Сосунову сделайте соответствующее внушение.

Акт

1921 г. сентября 6 дня местность Вандияские острова.

Я, нижеподписавшийся командир парохода «Пермяк» Шалгин, составил настоящий акт в присутствии подписавшихся лиц о следующем: 14 часов, придя пароходом

«Пермяк» к Вандияским островам с двумя груженными и к тому же водотечными баржами № 651 и 516, а также имея на борту парохода пассажиров, при сильном северо-восточном ветре, разведшем большой вал в р. Большой Оби, опасаясь аварий баржей на валу, вынужден был остановиться за парходским островом для отстоя каравана. Ветер с прежней силой продолжал дуть всю ночь, а также следующий день.

6 сентября в 10 часов утра едущий пассажиром член политического Обдорского бюро т. Сосунов стал требовать от меня, чтобы я отправился в Обдорск. На мои ему разъяснения, что выполнить это при такой погоде я не в силе, он заявил, что применением оружия заставит меня выполнить его желание. Принимая во внимание свою беззащитность от произвола т. Сосунова, я отправился в рейс. Дойдя до нижнего конца парходского острова, пароход начало валом бросать, а баржи бить одна в другую. У баржи № 651 начало отворачивать левый борт, в силу чего я немедленно вынужден был вернуться обратно на остров на якорную стоянку. При дальнейшем объяснении по происшедшему т. Сосунов грозил выбросить меня за борт и вообще применить ко мне какие-то репрессивные меры. Руководствуясь приказом по Сибирскому округу путей сообщения за №

179 о невмешательстве посторонних лиц в управление судами, поступок Сосунова усматривается полным самоуправством как сознательного, ответственного политического работника и произволом, а угрозы его применить оружие с выбрасыванием за борт — деморализацией команды, убивающей всякую энергию к делу, и нарушением всей планомерности транспорта. В чем и удостоверяется.

Резолюция на письме: Обдорск, начполитбюро Пензину. За вмешательство в дела администрации парохода «Пермяк» и незаконное предъявление требований приказываю арестовать сотрудника Сосунова на 14 суток с исполнением им служебных обязанностей. Исполнение донести. Начадминоргчасти Тюмгубчека Бобров. 1 ноября 1921 года.

Председателю Тюменского
Губисполкома тов. Макарову

Начальник Обдорского Политбюро телеграммой № 69 донес, что сотрудник такового т. Сосунов якобы заручился какими-то личными Вашими распоряжениями и в данное время без предупреждения оставил службу в Политбюро и перешел куда-то в другое учреждение.

Т. Сосунов до сего времени состоит в списках губчека и числится сотрудником Обдорского Политбюро.

Просьба сообщить, действительно ли Вы давали какие-либо распоряжения т. Сосунову об оставлении службы в Политбюро и перехода в другое учреждение.

Считаясь с полным отсутствием работников в ЧК, а в особенности в Обдорском Политбюро, Губчека не может дать соглашение о переходе в другое учреждение т. Сосунова.

Предгубчека Студитов. 31.10.1921 года.

Резолюция: Никаких официальных согласий не давал.

Макаров. 11.11.1921.

Анкета

Сотрудников Тюменск. Губ. Чрезв.

Комиссии по борьбе с к.-р. спек.

и пр. по долж.

1) Место службы: Обдорское Политическое Бюро

2) Фамилия: Сосунов Имя Павел

3) Занимаемая должность: замзавполитбюро

4) Время вступления в члены РКП и № партийного билета: марта 1918 г., билет № 600865

5) Время поступления в Чека (или Политбюро): 20 октября 1920 года

6) Образование (указать: высшее, среднее, начальное, домашнее): среднее

7) Владете ли иностранными языками: нет

8) Возраст: 30 лет

9) Национальность: русский

10) Основная профессия (столяр, слесарь и др.): канцелярский труд

11) Род занятий до поступления в Чека: то же что и в п. 10 в совучреждениях

12) Место рождения: с. Юровское Тобольского уезда Тобольской губернии

13) Сословие: гражданин

14) Семейное положение: мать, жена и двое детей

15) Имущественное положение: пролетарий

16) Работал ли раньше в Чека, если да, то когда и в какой должности: июль-август 1920 г. в Березовском политбюро, на должности уполномоченного

17) Место прежней службы перед поступлением в Чека: народный следователь 2 уч. Березовского уезда в с. Обдорском

18) Какое участие принимал в Февр. рев.: никакого в силу проживания на Севере

19) Какое участие принимал в Октяб. рев.: никакого в силу проживания на Севере

20) Не служил ли, не работал ли у Колчака и где: нет

21) Служил ли на военной службе до Февр. револ., в какой долж. и где: 18 месяцев, в Забайкалье, писарем, в штабе дивизии

22) Имеет ли оружие и какое: смит-вессон

23) Подвергался ли репрессиям: 19 мес. 28 дней колчаковской тюрьмы и высылка на русско-китайскую границу

Непосредственный начальник (с указанием должности): завполитбюро Глазков

Северный завоз 1918 года

Среди экспонатов музея Найотыр-Маа в поселке Сосьва Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа есть английская каска времен первой мировой войны, осколки разорвавшейся бомбы, штыки от иностранных винтовок, избитая молью малица с золотыми офицерскими погонами. Все это вещественные доказательства боев за ляпинский хлеб.

Затерянный мир

Село Саранпауль когда-то называлось Ляпино. Оно расположено на реке Ляпин, которая образуется слиянием рек Хулга и Щекурья и впадает в Северную Сосьву. Здесь находилась Ляпинская волость северных манси Березовского уезда Тобольской губернии. В начале XX века в ней проживало 1086 манси, 25 ханты, 415 коми-зырян, 42 русских, 156 ненцев. По Ляпину и его притокам располагались юрты (от устья вверх по течению): Рахтыннинские, Луски, Ломбо-

вожские, Межипаульские, Харампаульские, Мункесские, Ясунтские, Шекурбинские и Маньинские. Юрты — название селений и жилищ ханты, манси, селькупов. На старых картах почти все населенные пункты «затерянного мира» названы юртами. Позднее в селе Няксимволь на левом берегу Северной Сосьвы родился и вырос губернатор Тюменской области С.С. Собянин. Многие прежние поселения исчезли — их жгли и красные, и белые. Почему эти места стали ареной гражданской войны? Потому что в Ляпино хранились богатые запасы хлеба.

История ляпинского хлеба такова. В мае-июне 1918 года Северная продовольственная управа (Архангельск) через Москву вела переговоры с Временным Сибирским правительством (Омск) о закупке 500 тысяч пудов хлеба для Русского Севера, в том числе Печорского уезда, где собственного хлеба вообще не было. Сибирские белогвардейцы продали Советской России хлеб в обмен на промышленные товары (в основном сельскохозяйственная техника). Этот факт скрывался в новейшей отечественной истории: по идеологическим причинам невозможно было признать товарообмен между красными и белыми. Северный завоз 1918 года можно считать единственным внеклассовым рыночным предприятием гражданской войны.

Две дороги

Из Архангельска в Омск для доставки хлеба на Север был командирован кооператор Мартынов. В августе 1918 года четыре парохода, таща на буксире 12 барж, тянулись вниз по Иртышу. 17 августа хлебный караван прибыл в Тобольск.

Дальше речной маршрут возглавил тобольский купец Д.Н. Голев-Лебедев. Ему в исторических исследованиях о борьбе за ляпинский хлеб даны самые отрицательные характеристики: мироед, эксплуататор и паразит. Но известный югорский краевед В.К. Белобородов считает его предприимчивым, культурным коммерсантом и активным общественным деятелем: «Голев-Лебедев торговал хлебом, рыбой, солью, вином и другими бакалейными товарами. Его пароходы совершали регулярные рейсы в низовья Оби, способствуя снижению цен в низовом крае на предметы первой необходимости. В навигацию 1910 года моторный катер «Удалый» возил пассажиров от Тобольска до Абалака и обратно, а на пароходе «Решительный» устраивались гуляния по Тоболу и Иртышу, доход от которых шел в пользу общества попечения бедных. В Тобольске у купца был магазин и колбасная фабрика, получившая в том же 1910 году за

свои изделия «Гран-при» и золотую медаль на всемирной выставке в Брюсселе. Голев-Лебедев хлопотал перед министром путей сообщения о строительстве железной дороги до Тобольска, возглавлял местное отделение общества рыбоводства и рыболовства, был директором общественного тюремного комитета, и за свои старания и пожертвования по тюремному ведомству награжден серебряной медалью на Станиславской ленте».

Вот он и довел хлебный караван до Березова. Оттуда часть хлеба (около 250 тысяч пудов) была отправлена в Ляпино, откуда планировалось транспортировать его дальше на Печору (остальные суда продолжили путь в Обдорск). После начала гражданской войны в Коми крае ляпинский хлеб стал главной целью как красных, так и белых.

В Ляпино вели две дороги: Сибиряковский тракт от Усть-Щугора длиной 184 версты и волок Аранец—Ляпино в 256 верст. По тракту, проложенному в 1887 году купцом Сибиряковым, перевозилось в мирное время из Зауралья за зиму до 150 тысяч пудов хлеба, оленьих шкур, пушнины, рыбы. Но сибирские белогвардейцы зорко охраняли тракт и не собирались отпускать хлеб на Печору, где установилась Советская власть.

**Чьи вы, хлопцы, будете,
кто вас в бой ведет?**

Для захвата Ляпино красные выбрали заброшенный волок через Аранец, глухую деревню в 30 дворов, обитатели которой жили охотой и рыбалкой. Экспедиция считалась секретной. Ее командиром был назначен чекист Андрианов. Комиссаром поехал Давыдов, взводами командовали Зарубин, Исаков, Сорвачев и Симаков. Под их началом было 123 бойца, вооруженных кроме винтовок тремя пулеметами и скорострельной пушкой «Маклин». Пулеметной командой руководил венгр Иштван-Шандор Челле. Планировалось захватить Ляпин врасплох. 19 ноября 1918 года красный отряд двинулся к Уральским горам.

Шли восемь дней, спали прямо в снегу, костры не разжигали, опасаясь, что заметят дым. Но все эти секретные предосторожности оказались напрасными. Усть-щугорский крестьянин по прозвищу «Матрос Мить» по короткому Сибиряковскому тракту добрался до Ляпино и предупредил охрану хлебных амбаров о движении красного отряда (позднее красные его расстреляли). Ляпинская дружина устроила на подходах к селу в деревне Щекурье засаду из 42 охотников.

Андрианов со взводом Исакова двигался в авангарде экспедиции. Они первыми по-

пали под пули и были тяжело ранены. Командование отрядом принял на себя Зарубин, бывший унтер-офицер Преображенского гвардейского полка. По Щекурье, ориентируясь на церковь, красные открыли артиллерийский и пулеметный огонь. Оставшись без патронов, белые отступили к Обдорску.

27 ноября 1918 года красные вошли в Ляпино. В селе почти никого не было — все население, включая женщин и детей, бежало в лес.

Выходившая в Усть-Сысольске (сейчас Сыктывкар) газета «Зырянская жизнь» так писала о захвате Щекурьи: «Наши части заняли Щекурьинское, что в пяти верстах от Ляпина. При занятии ранены 6 товарищей, в том числе командир коммунистического отряда тов. Андрианов и его помощник Исаков. Убито 6 лошадей».

Красные стали превращать Ляпино в укрепленный район: долбили в мерзлой земле окопы, укрепляли их мешками с песком, рубили деревья в секторе обстрела. В Щекурье осталась застава в 15 штыков.

По Сибиряковскому тракту начали вывозить хлеб в Усть-Щугор (почти половина хлеба предназначалась для нужд VI Красной армии). Вывозка проходила трудно: местные лошади не ели овса, только сено и кору деревьев (особенно рябины), кото-

рых не хватало. Приходилось кормить животных их собственными экскрементами, подсушив на кострах.

Всего красные вывезли из Ляпино 1976 пудов муки-сеянки, 6549 пудов овса и 3750 пудов пшеницы.

Охотники за черепами

Белые тоже зря время не теряли. 30 ноября 1918 года отряд штабс-капитана Алашева в 40 штыков атаковал центр Печорского уезда — городок Усть-Цильму на Печоре. Вот как описывал тот день очевидец: «Около 10 часов утра вблизи старообрядческой церкви раздались выстрелы, производившие на крестьян суматоху. На улицах появились вооруженные винтовками, в малицах и тужурках люди, беспрестанно стрелявшие. Перед белыми на коленях стоял мужик лет сорока, крестился на церковь и кричал: «Слава богу, власть законная, долгожданная, батюшки-офицеры приехали!».

Началась запись добровольцев и мобилизация в Народную армию Печорского уезда.

К середине декабря в ней насчитывалось до 160 штыков. В Народную армию входили несколько партизан-одиночек, прозванных «охотниками за черепами». Сохранилось свидетельство, что один такой охотник уничтожил 60 красноармей-

цев, ставя на них капканы, как на зверя, и стреляя из засад.

Белогвардейский полковник Шапошников предложил командованию Северного фронта белых план наступления на Ляпино: «...200 тыс. пудов хлеба и 30 тыс. пудов овса есть в Ляпино (за Уралом на восток от Усть-Цильмы, в верховьях р. Сосьвы). Зимний тракт на Ляпино лежит через деревню Усть-Щугор (по Печоре) и дальше через Урал. Советская власть, дабы сохранить за собой это зерно, держит в населенных пунктах по тракту и в самом Ляпино отряд 200—250 штыков, четыре пулемета и два полевых легких орудия. Поход на Ляпино имеет двойную, на мой взгляд, заманчивую цель — возвращение зерна собственникам, т.е. Печорскому уезду... и, кроме того, установить связь с Сибирью по Оби через Тобольск, откуда, я полагаю, мы можем получить боевую поддержку».

Шапошников просил выделить ему для успешного наступления на Ляпино «ядро в 60—80 человек сравнительно дисциплинированных, обученных солдат при 6 офицерах, 300 винтовок, 6 пулеметов, 2 орудия».

«Печорский Чапаев»

Так историки Коми называли Морица Мандельбаума, еврея, родившегося в 1890

году в Австрии. Думал ли он, профессиональный актер, а с 1914 года младший офицер австро-венгерской армии, воевавший против русских, что судьба занесет его далеко на Север. Попав в плен в 1916 году, он во время Октябрьского переворота возглавил один из отрядов Красной гвардии. Лето 1918 года провел в боях на Волге и Каме против белочехов, тоже бывших военнопленных. Потом его отправили во главе небольшого (10—12 человек: латышей, венгров, немцев) «летучего отряда ВЧК» на Север с заданием: перейти Уральские горы, захватить Ляпино, а при возможности и весь бассейн Оби.

По описаниям очевидцев, Мандельбаум был высокого роста, худощавый, с небольшой черной бородкой. «Обличьем производил впечатление строго военного человека, ходил в серо-зеленой английской шинели, френче, тоже чужого покроя, и галифе с кожей на сидячем месте и коленках».

28 августа 1918 года Мандельбаум отправился на пароходе «Доброжелатель» на Печору. На вооружении экспедиции кроме винтовок имелись скорострельная 37-мм пушка и станковый пулемет. В первый же день пути на берегу у деревни Озел Мандельбаум расстрелял свои первые жертвы — трех женщин, причем одной из них было

всего 17 лет. Поводом для расстрела послужил их отказ выдать лошадей для отряда.

В Троице-Стефановском Ульяновском монастыре Мандельбаум потребовал оказать помощь, «подчеркнув необыкновенно трудные условия военной экспедиции, не имевшей времени подготовить и взять с собой все необходимое для похода в далекие глухие чащобы Севера». После отказа настоятеля монастыря добровольно «помочь» красным Мандельбаум приказал устроить обыск. У монахов конфисковали свыше 40 тысяч рублей, двух коров, трех лошадей, 10 пар обуви, пуд масла, хлеб, церковное вино, перины и подушки.

Имевшие дело с Мандельбаумом военные считали, что «он не знал никаких правильных понятий о военных действиях». Мнения о Мандельбауме среди рядовых красноармейцев, воевавших с ним, расходятся. Одни: «Мандельбаум был бездарным человеком и большим трусом. Личный состав его очень не уважал, не говоря уже о местном населении. Метод разговора — плеть и угроза расстрелом. Из трусости носил с собой два нагана и три бомбы». Другие: «Мандельбаум в наших глазах был таким же авторитетом, как Чапаев перед своими бойцами». Третьи: «Подплывая на своем пароходе к селу, сперва обстреливал село

из пушки, а потом уже высаживался на берег. Он так рассуждал: снаряд сам должен найти кулаков и отличить их от бедняков, а ему, Мандельбауму, до этого дела нет, так как все русские — свиньи».

Почему такие командиры, как Мандельбаум, были столь популярны в народе? В чем секрет «чапаевского» феномена? Ведь сами красные так писали о самом Василии Ивановиче: «Тов. Чапаев, этот степной орел, действует исключительно партизанским способом. Распоряжений штаба не признает. Бывали случаи, что Чапаев уходил со своим отрядом и пропадал без вести, а возвратившись через некоторое время, доставлял трофеи и пленных. Население мест, где появлялся Чапаев, было терроризировано. Его жестокость известна многим...». Это сейчас он герой анекдотов, а когда-то — не приведи Господь оказаться на его пути. Наверное, подчиненным импонировало, что такие командиры при всех их недостатках и отсутствии больших военных способностей были храбрыми и даже бесшабашными людьми, которые «могли сами идти вперед и бойцов за собой вести в атаку».

Добравшись до Усть-Щугора, Мандельбаум сделался единовластным «хозяином» огромного таежного края. Но тогда он в Ляпино не попал — вызвали в Москву в Реввоенсовет республики, где его встреча-

ли как «героя Печорской экспедиции». Вот почему вместо него в Ляпино отправились его помощники Андрианов и Исаков.

Обласканный самим председателем РВСР Троцким, Мандельбаум вернулся в уже захваченное красными Ляпино, и его возвращение совпало с наступлением белых.

Комиссар Мандельбаум и князь Вяземский

В декабре 1918 года Сибирская армия Колчака предприняла мощный натиск на противника — III Красная армия была разгромлена. Белые захватили Пермь и двинулись на Глазов и Вятку.

В Зауралье, в районе Ляпино-Березов колчаковцы сконцентрировали батальон князя Вяземского примерно в 400 штыков. Для транспортных нужд Вяземский мобилизовал 50 ханты с оленьими упряжками.

20 декабря 1918 года белые атаковали на оленях в деревне Щекурья красную заставу и почти полностью ее уничтожили. Троице красноармейцам удалось вырваться из окружения и бежать в Ляпино к Мандельбауму. «Герой Печорской экспедиции» планировал наступать на Березов, но захват противником Щекурьи и Мункежских юрт (в сторону Ивделя) расстроил его планы. Он приказал Давыдову с конным отрядом в 16 всадников осмотреть горный проход между Щекурьей и Ляпино, а

Зарубину с главными силами провести разведку боем на реке Сычве у Мункежских юрт. В горах Давыдов попал в засаду и был убит «охотниками за черепами». Вернувшийся 22 декабря из разведрейда Зарубин выбил белых из Щекурьи, захватив в числе трофеев 28 винтовок, 10 дробовиков, 50 пар лыж, 50 оленьих нарт и 150 оленей с упряжью. Попавшие в плен 16 белогвардейцев по приказу Мандельбаума были расстреляны. Сам «хозяин» Печорского уезда покинул Ляпино, забрав с собой пушку, которой дорожил больше, чем своими солдатами.

26 декабря, получив известие о боях за Ляпино и чувствуя надвигающуюся катастрофу на Печоре, член Реввоенсовета VI Красной армии Орехов написал письмо Ленгину, в котором просил о помощи. Вот это письмо с характерным подчеркиванием Ленина: «Положение фронта нашей VI армии сугубо неприятное; отступление III армии еще больше ухудшает. В северо-восточной части нашей армии, т.е. в Печорском крае, уже за последнее время появились чехословаки под командой князя Вяземского, стремящегося к воссоединению Урала с Архангельском. Помешать же этому воссоединению мы абсолютно не можем... И ежели нам своевременно не дадут сил, то через несколько времени мы будем иметь

перед собой сплошной фронт противника: Архангельск—Пермь—Урал и т.д.».

Резолюция Ленина на письме: «Реввоенсовету для принятия мер ЭКСТРЕННО».

Красные спешили с вывозкой ляпинского хлеба. Для руководства этой операцией, а также для ревизии печорских отрядов Мандельбаума штаб VI Красной армии назначил бывшего унтер-офицера Комиссарова. Он доложил: «Произвел ревизию Печор отрядов. Они терпят всевозможные бедствия в смысле вооружения, снаряжения и продовольствия: табаком, чаем, сахаром. Нет хороших инструкторов, которые могли бы вести операции. Отчетности нет никакой: раздавались авансы в 30 тысяч рублей, но ни один оправдательный документ никуда не годится. Жители края находятся в ужасном положении. Во многом я вижу вину Мандельбаума, не умевшего поставить дело в крае и только пугавшего жителей битьем физиономий, не платившего красноармейцам ни копейки, так же, как и крестьянам за провоз хлеба и грузов».

Но куда в таком случае исчезло награбленное Мандельбаумом золото, серебро и другие ценности: только в Усть-Цильме в уездном казначействе он захватил полмиллиона рублей? А несколько сот тысяч рублей, дорогое снаряжение и технические сред-

ства, которые «герой Печорской экспедиции» получил в Москве от Реввоенсовета?

Малицы для гимназистов

В январе 1919 года командир северной группы Сибирской белой армии полковник Казагранди усилил в Ивделе, что на реке Лозьве, батальон князя Вяземского ротой чехословаков в 134 штыка.

Березов, опасаясь наступления Мандельбаума, слал отчаянные телеграммы в Тобольск. В вышедшей в Тобольске газете «Сибирский листок» от 8 ноября 1918 года было опубликовано сообщение губернского комиссара Пигнатти: «За последние дни в Тобольске стали циркулировать слухи о появлении в Березовском уезде отряда красногвардейцев, о занятии ими Обдорска и приближении его к Березову. Сообщаю, что... в Березовском уезде на расстоянии приблизительно 900 верст от Обдорска появилась с Урала шайка красногвардейцев, имеющая целью не выполнение какого-либо стратегического плана, а исключительно захват запасов казенного хлеба, находящегося от Обдорска также на весьма далеком расстоянии. Необходимые для ликвидации деятельности этой шайки меры приняты и несомненно с успехом будут осуществлены...». По указанию Колчака в Тюмени был сформирован северный экспедиционный

отряд, который возглавил подпоручик Лушников. 17 декабря часть этого отряда вышла из Тобольска на Север. В конце месяца им вослед, в малицах с нашитыми на них погонами, отправились добровольцы из гимназистов под командованием подпоручика Туркова. Отряды соединились в селе Самаровском и через Березово добрались до села Сартынского. По описанию очевидца, «...это село расположено на левом берегу Сосьвы, большей частью на увале до 2—3 саженьей высотой. Жилых домов (есть приличные) — до 30. Есть церковь, волостное правление, училище, хлебозапасный магазин, пороховой погреб, аптека. Церковь и школа — новые, крепкие здания, крытые железом. Кругом села преобладает хвойный лес...».

Разместившись в «приличных» домах, Лушников и Турков дождались князя Вяземского (объединенные силы стали насчитывать более 600 штыков) и в ночь на 16 января 1919 года атаковали Ляпино. Предварительно село подверглось обстрелу из бомбометов, а засланные в тыл обороны разведчики забросали штаб красных ручными гранатами. Возникла паника. Отряд Зарубина разбежался, потеряв в этом бою около 60 человек убитыми. С криками «ура!» белые вошли в Ляпино. Бежавшие из села красные собрались в Щекурье. Зарубин принял решение

отступить в Усть-Шугор на Печору. Стоял лютый мороз. Большинство ляпинских красноармейцев были одеты налегке, и во время 200-километрового отхода по Сибиряковскому тракту 15 человек замерзли насмерть. Потери белых составили 6 убитых и 12 раненых. Погибших переправили в Тобольск и похоронили 3 февраля 1919 года. Среди них был Урий Марсин, руководитель тобольской организации еврейской молодежи «Геховер».

В «Сибирском листке» 26 января 1919 года начальник гарнизона Тобольска полковник Ермолаев сообщил: «...Нашим славным Северным отрядом под командой подпоручика Лушникова после пятидневного сражения с боем взято селение Саранпауль. Все находившиеся там красноармейцы, свыше 200 человек, уничтожены, все вооружение красных и обоз в 60 лошадей нами захвачены...».

21 января остатки отряда Зарубина появились в Усть-Шугоре, вызвав там переполох известием о наступлении белых из-за Урала. Мандельбаум приказал завалить лесом Сибиряковский тракт между местечками Катя Ель и Миша Бичевник (30 км). Напрасно бойцы убеждали командующего о бесполезности этой идеи зимой, ибо противник мог подойти к Усть-Шугору не только по дороге, но и по замерзшей реке. Упрямый «печорский Чапаев», размахивая наганом и бомбой, заставил

красноармейцев в течение восьми дней заваливать тракт деревьями. Хлебные запасы достались колчаковцам. Этот хлеб сыграл потом главную роль при сокрытии реликвий и ценностей Сибирского белого движения.

Озверение

После взятия Перми в декабре 1918 года Северная группа войск Сибирской армии Колчака двигалась на северо-западном направлении, планируя соединиться с войсками архангельской белой армии в районе Усть-Сысольска и по Печоре. На территории Соликамского и Чердынского уездов Пермской губернии оперировали части генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева, в частности 25-й Тобольский стрелковый полк под командованием полковника Бордзиловского.

12 января 1919 года командующий Печорским краем Мандельбаум получил приказ № 02 из штаба VI Красной армии: «Продолжить оборону края, обратив особое внимание на Чердынское направление».

В распоряжении Мандельбаума скопились значительные ценности: в Троицко-Печорске зимовал печорский речной флот (восемь пароходов, паровые катера, баржи, буксиры), торговые склады и амбары были заполнены ляпинским хлебом, здесь же находились эвакуированное чердынское уездное

казначейство и грузы пушной экспедиции Уральской области. Под угрозой колчаковского вторжения красные решили вывезти на Вычегду хлеб и демонтированные двигатели пароходов. В конце января 1919 года в Троицко-Печорск прибыли до 800 подвод, на которых начался вывоз хлеба. Местные жители всячески препятствовали хлебной эвакуации, нередко нагружая сани всяким хламом. Созрел антибольшевистский заговор, который возглавил... председатель местной ячейки РКП(б) И.Ф. Мельников.

Днем 4 февраля в Троицко-Печорске состоялся митинг протеста по случаю убийства в Германии Карла Либкнехта и Розы Люксембург, а вечером вспыхнуло восстание. Большая часть гарнизона примкнула к восставшим. Повстанцы без потерь овладели селом.

Очевидцы так писали про мятеж в Троицко-Печорске: «За одну ночь мятежники арестовали около 120—200 человек. Большинство из них были помещены в холодные амбары при 35—40-градусном морозе, а затем после истязаний расстреляны. В числе погибших от рук мятежников — десятки беженцев из Чердыни... начальник Уральской продовольственной экспедиции Морозов и другие. Около 600 возчиков с подводами, следовавшие из вычегодских и сысольских волостей за ляпинским хлебом, оказались в белогвардейском плену...».

О массовых расстрелах на Печоре командующий Северным фронтом белых генерал-лейтенант Марушевский писал: «В этих глухих местах между Усть-Цильмой и примерно Чердынью революция потеряла уже давно свои политические признаки и обратилась в борьбу по сведению счетов между отдельными деревнями и поселками. На почве одичалости и грубых нравов местного населения борьба эта сопровождалась приемами доисторической эпохи. Одна часть населения зверски истребляла другую. Проруби на глубокой Печоре были завалены трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды. Разобрать на месте, кто из воюющих был красный или белый, было почти невозможно. Отравленные ядом безначалия, группы этих людей дрались каждая против каждой, являя картины полной анархии в богатом и спокойном когда-то крае».

Почему нормальные люди превращались в зверей? Только ли из-за тяжелых природно-климатических условий Севера? Но крестьянские восстания клочкотали тогда в России повсеместно — на холодном севере и на знойном юге. При южном плодородии взаимное озверение сторон было таким же свирепым. Думаю, что сама мысль остаться без хлеба приводила нормальных крестьян в ужас и заставляла хвататься за ружье, за вилы ли...

7 февраля 1919 года в Троицко-Печорск под колокольный звон вступила полурота колчаковцев из состава 25-го Тобольского полка. Все население села высыпало встречать сибиряков. Местный учитель и бывший большевик А.С. Федоров преподнес белым хлеб-соль.

Между тем в Усть-Щугоре Мандельбаум сдал командование советскими отрядами Комиссарову и Зарубину, а сам выехал через Ижму в Усть-Сысольск, а оттуда в Котлас. Там он заявил, что для наступления на Троицко-Печорск и повторный захват ляпинского хлеба ему необходимы два аэроплана, четыре грузовика, два легковых автомобиля, три тысячи гранат, 20 тысяч патронов к ручным пулеметам «Шоша», 10 тысяч патронов к станковым пулеметам «Максим», 100 кавалерийских седел и столько же сабель, артиллерийские орудия системы «Маклин», 20 телефонов и 300 верст телефонного кабеля. С получением всего этого вооружения и снаряжения Мандельбаум брался за организацию контрудара по верховьям Печоры и похода за Урал — на Ляпино и Березов.

Аэропланы над Березовым

Идея похода за ляпинским хлебом и соединения с сибирскими белыми войсками не оставляла и полковника Шапошникова, про-

изведенного в генерал-майоры. В начале марта 1919 года он запросил командование архангельской белой армии о присылке в его распоряжение аэропланов «для разведывательных полетов на Ляпино и дальше на Березов». Из Архангельска в штаб Шапошникова приехал военный летчик поручик Толстой с несколькими авиационными мотористами. О прибытии летательных аппаратов документальных сведений не сохранилось. Некоторые историки Республики Коми утверждают о применении белыми авиации весной 1919 года на ляпинском направлении, но их научные оппоненты считают это преувеличением.

Оставшийся в Усть-Щугоре Зарубин 19 февраля приказал готовиться к наступлению на Подчерье. По воспоминаниям бойцов, вечером накануне похода Зарубин был весел, жонглировал шашкой, говорил: «Бились мы с немцами, выдерживали газовые и танковые атаки, а с этими гадами, печорскими купцами, подавно справимся. Нам ли перед этими насекомыми трусить?».

На следующий день Зарубин с отрядом в 55 штыков выступил на Подчерье, оставив для защиты Усть-Щугора штабные команды и взвод красноармейцев Мезенцева в 12 человек.

Но как только отряд с обозом вышел из села, мятежники устроили ему засаду. Навстре-

чу красным был выслан лазутчик под видом дровосека, который сообщил Зарубину, что белых в Подчерье нет. Отряд безбоязненно стал втягиваться в село. Вдруг зазвонил колокол, и началась бешеная стрельба со всех сторон. Красные заметались. Их пулемет молчал — накануне весь спирт из его кожухов был выпит (на морозе вместо воды туда заливали спирт). Бомбометчики растерялись, и граната разорвалась в стволе бомбомета. Зарубин бросился в атаку, крикнув: «Возврата в Щугор нет! В плен не сдаваться». Пуля угодила ему в лоб. Остатки красных, отстреливаясь, отошли к лесу и скрылись. В этом бою погиб 31 красноармеец, мятежники потеряли двоих.

Получив известие о разгроме отряда Зарубина, Мезенцев приказал оставить Щугор и отступить в Ижму. 3 марта белые вступили в Усть-Щугор, расстреляли оставшихся там советских работников, заставили местных крестьян расчистить Сибиряковский тракт и выслали разведку в Ляпино.

6 марта Архангельск известил Шапошникова, что на Печору отправлен экспедиционный отряд из «130 отборных офицеров и солдат русской и союзной армий для дальнейшего следования в Сибирь. Цель отряда — связаться с войсками князя Вяземского и перебросить через Урал ляпинский хлеб для сплава его весной».

Находившиеся в районе Ижмы советские отряды под командованием Комиссарова получили 19 марта наименование Ижмо-Печорского полка. Но через десять дней в Ижму явился Мандельбаум, сместил Комиссарова с командования полком и издал приказ об эвакуации из Печорского края. В приказе Мандельбаум написал: «Товарищи, время для нас ценно, и мы надеемся, что победы на всемирном фронте настолько значительны, что наш уход является временным по чисто военным соображениям... В гражданской войне, где масса еще не признала своего долга, является врагом для строя советской власти. Ввиду этого, товарищи, те, которые знают свой долг, должны смотреть за тем, чтобы никто по пути следования не обижал бедняков, чтобы у них было доверие. Когда мы вернемся, пусть они знают, что мы были их защитниками и отстаивали их интересы, их несознательность, заброшенных на далекий Север, ввиду создавшегося продовольственного кризиса заставляет нас уходить. Пусть не гаснет в сердцах ваших пламя революции и ответит на каждое нападение своему врагу сознательно и бодро» (*стиль и орфография документа сохранены*).

30 марта 1919 года Ижмо-Печорский полк начал отступление. У населения было реквизировано три тысячи подвод (!). Ог-

ромный обоз вез полковое имущество, продовольствие и награбленные у печорцев вещи. Очевидец вспоминал: «Когда Мандельбаум отступал под напором белых, за ним шло множество подвод, нагруженных великолепными малицами, совиками, пимами, шелковыми и бархатными одеждами, швейными машинами, граммофонами, никелевыми самоварами и прочими предметами роскоши и цивилизации, проникшими в этот почти первобытный край».

Документы некогда секретного фонда 1316 Национального архива Республики Коми свидетельствуют: не было на Печоре ни одной деревни, где бы красноармейцы не произвели реквизиций и конфискации, а попросту грабежа в свою пользу. У населения забиралось все — начиная от ложек и вилок, кончая коровами и лошадьми. Непокорных расстреливали.

Вышестоящие военные и партийные власти прекрасно знали о творимых Мандельбаумом беззакониях, о том, что «его армия деморализована и вместо сознательной революционной борьбы занимается бесчинствами, доходящими до открытого грабежа мирного населения». Мандельбаум, «имея при себе молодую и красивую жену, кое-что открыто отбирал для нее, пользуясь своим служебным положением».

1 мая Мандельбаум был арестован. Сохранились воспоминания об обстоятельствах ареста: «По приезде в Усть-Сысольск Мандельбаума заключили под стражу. Обыск и опись производили сотрудники политотдела в присутствии жены. Найдена масса золота царской чеканки и разных изделий из золота. Кроме того, большое количество шелковых вещей и дорогих мехов...».

Но, «когда Мандельбаума арестовали, то красноармейцы стали требовать, чтобы его освободили и чтобы он продолжал быть командиром». Некоторые его сподвижники предлагали уже тогда назвать именем Мандельбаума «улицы в наших городах и селах» (что и было потом сделано).

Эти и другие подобные отзывы о Мандельбауме свидетельствуют, что «печорский Чапаев» и другие такие же красные и белые командиры своими действиями выражали настроения немалой части нищавшего и злобливового населения. И сейчас, по прошествии 85 лет, есть люди, которые считают, что в условиях гражданской войны (оказания интернациональной помощи, восстановления конституционного порядка, антитеррористических операций) можно и нужно действовать именно так, как действовали Запкус, Хохряков, Пейсель, Сенькин, Мандельбаум... Не считаюсь ни с законом, ни с моралью.

Война и любовь

Мандельбаума под конвоем этапировали в Вологду. Его дело в ноябре 1919 года рассмотрел Ревтрибунал Западного фронта (Северный фронт был уже ликвидирован). Учитывая постановление ВЦИК об амнистии ко второй годовщине Октябрьской революции и плохое владение русским языком, Мандельбаума приговорили к пяти годам тюремного заключения (условно).

Он остался на военной службе, был агитатором-организатором политотдела Запасной армии в Казани. В 1920 году назначен комиссаром 132-го полка 15-й стрелковой дивизии на Южном фронте — воевал на знаменитом Каховском плацдарме, затем в Северной Таврии, участвовал в переходе через Сиваш и взятии Турецкого вала, в захвате Ишуньских укреплений, а потом и всего Крыма.

Сослуживцы по полку рассказывали, что Мандельбаум «был комиссаром смелым, боевым, очень неплохим организатором... Не любил нытиков, просто презирал любителей выпить» и, что особенно примечательно, «вел очень крепкую борьбу против всякого случая мародерства».

Как «самого преданного делу революции», политуправление Красной армии направило Мандельбаума 25 декабря 1920 года в «распоряжение ЦК РКП(б)». Есть дан-

ные, что он использовался в подпольной революционной работе и в разведке в Австрии и Германии и дожил до 70-х годов.

Между тем историки задаются вопросом: почему при благоприятном для белых развитии событий в Печорском уезде князь Вяземский, окопавшийся в Ляпино, не подавал признаков жизни и ни разу не атаковал красный Усть-Щугор со стороны Березовского уезда? Неужели его останавливал 30-километровый лесной завал на Сибиряковском тракте (его можно было бы обойти) или пугала красная застава в 26 штыков в местечке Катя Ель?

Есть мнение, что князь Вяземский серьезно увлекся... 30-летней женой тобольского пароходчика Голева-Лебедева, по описаниям очевидцев, «женщиной невиданной красоты и очарования». Она сопровождала мужа в «хлебном» рейсе до Обдорска (там у них был дом), но зимовали они в селе Сартыннинском, где тоже имелся собственный «приличный» дом. В этом доме в компании с красавицей и проводил время князь Вяземский после разгрома красных в Ляпино. Только через два месяца он вырвался из жарких объятий тоболячки, чтобы официально засвидетельствовать соединение Северного и Восточного фронтов белых — единственный случай подобного рода в истории гражданской войны.

24 марта 1919 года в Усть-Цильме прошли переговоры между генерал-майором Шапошниковым, князем Вяземским, представителем Временного правительства Северной области Романовым и союзными офицерами. Решили, что верхнепечорские волости подпадают под юрисдикцию Омского правительства.

Архангельская и Сибирская армии на уровне от командующих до командиров полков обменялись приветственными телеграммами и поздравлениями по случаю встречи фронтов. 4 апреля в адрес Шапошникова пришла телеграмма начальника Северного отряда Сибирской армии и командира 25-го Тобольского полка полковника Бордзиловского: «Я, офицеры и стрелки... просим принять наши поздравления по случаю соединения сибирских войск с архангельцами для совместной борьбы для блага нашей дорогой Родины России». Офицерский состав этого полка отправил в редакцию архангельской газеты «Вестник Временного правительства» приветствие северным защитникам Белого дела «с пожеланиями боевых успехов, скорого свидания и возможности крепкого рукопожатия у Кремлевских ворот». Командир 1-го Средне-Сибирского корпуса генерал-лейтенант Пепеляев направил в Усть-Цильму телеграмму: «Генералу

Шапошникову. Приветствую Вас, Ваше превосходительство, и Ваши храбрые части, борющиеся за воссоздание нашей великой Родины. Сибиряки шлют сердечный привет архангельцам». Командующий 1-й Сибирской армии генерал-лейтенант Гайда в своей телеграмме на имя Марушевского от 18 апреля писал: «Все офицеры и солдаты Сибирской армии рады, что Сибирская армия имела возможность первой установить братское общение с доблестными отрядами архангельских войск». Командующий Северным фронтом белых Марушевский 26 апреля направил ответ: «Приветствую в Вашем лице доблестных братьев-сибирцев. В успехе не сомневаюсь. Прошу верить моему горячему желанию вести работу не только в связи, но и с полным подчинением наших операций операциям сибиряков».

В обстановке такого ликования князь Вяземский возвратился в Сартыню к своей подруге. Пока он пребывал в любовных утехах, его бойцы «распродавали свою военную добычу — награбленные большевиками у местных жителей вещи: зырянские сарафаны, швейные машины и прочее. Передавали, что сестра милосердия из белого отряда стянула на земской квартире двух соболей, которые позже у ней были, однако, отобраны».

Танки в Саранпауле

Начиналась весенняя распутица. Но полковник Бордзиловский успел под хлебный поход в Ляпино запросить Архангельск о выделении ему значительного количества вооружения, в том числе четырех автомобилей на тракт Усть-Щугор--Ляпино: «Автомобили желательны иметь типа танк... орудия, бомбометы, медикаменты, 50 дюжин фотографических пластинок...». В июне 1919 года из Архангельска в Усть-Цильму прибыл первый «малый» транспорт с оружием для колчаковцев.

15 апреля Временное правительство Северной области признало власть Верховного правителя России Колчака. В Омск была делегирована депутация князя И.А. Куракина для представительства. В составе делегации ехали генерал-майор Кислицын, барон Низенгаузен и... князь Вяземский (за новым назначением).

Усть-Цильма стала важной перевалочной базой на пути из Архангельска в Омск и обратно. Весной и летом через этот центр Печорского уезда проехало множество самых различных делегаций и воинских частей на Северный и Восточный фронты. В Усть-Цильме был устроен обменный пункт северных и сибирских денег (временные белогвардейские правительства выпускали собственные деньги).

В конце июля 1919 года на лесозаводе «Стелла Полларс» в низовьях Печоры разместилась Британская миссия (или Английская база) со значительным количеством интендантского имущества. Эта миссия поставляла белогвардейцам обмундирование, продовольствие, медикаменты и оружие, включая автомобили «типа танк».

В общих коммуникациях Северного и Восточного фронтов Березов и Березовский уезд также занимали важное место. Печора близко подходит к началу сибирских рек — Северной Сосьвы, а затем и Оби и Иртышу. Зимой бесперебойно использовался Сибиряковский тракт. Организацией этой связи занимались известные полярники — соратники Колчака по ледовым экспедициям.

В апреле 1919 года при Омском правительстве был создан комитет Северного морского пути, в состав которого вошли опытные моряки-полярники во главе с генерал-майором корпуса гидрографов А.В. Поповым. Начальником речного каравана судов Карской экспедиции был назначен полковник Д.Ф. Котельников (впоследствии известный советский географ и гидрограф — его именем назван остров в Карском море).

В июле из Омска через Тобольск и Березов на паровой шхуне «Мария» экспедиция отправилась в Обдорск для обследования

фарватера в Обской губе и изыскания удобного места для перевалки грузов с морских судов на речные. 28 августа ученые прибыли в бухту Находка (западное побережье Обской губы) и оценили ее как вполне удобную для организации перегрузочных работ.

Вторая и основная часть Карской экспедиции снаряжалась в Архангельске. Морской караван судов (около 10 единиц) возглавил выдающийся полярный исследователь капитан 1 ранга Б. Вилькицкий. Кроме 100 тысяч пудов различных военных грузов к Колчаку отправили трех генералов и около ста офицеров. Армия Колчака всегда испытывала недостаток в офицерских кадрах, в то время как в Архангельске скопилось много офицеров и даже генералов, для которых не хватало вакансий в войсках Северного фронта. Военный диктатор Северной области генерал-лейтенант Е.К. Миллер писал: «Сибирская армия переживает кризис вследствие недостатка кадров, оружия, обмундирования и всякого снабжения техническими средствами. Единственная возможность быстро доставлять в Сибирь все необходимое — это переслать с полярной экспедицией».

Среди откомандированных в Сибирь офицеров находился поручик Мария Боцкарева. После февральской революции 1917 года ее имя гремело в России.

Вот что она показала в апреле 1920 года на допросе в Особом отделе ВЧК при V Красной армии в Красноярске о своей жизни и военной службе: «...27 июня 1917 года в Петрограде в Исакиевском соборе главнокомандующий генерал Корнилов в присутствии Керенского и других членов Временного правительства вручил мне знамя женского ударного батальона смерти и произвел меня в прапорщики. 1 июля 1917 года после молебна я со своим батальоном отправилась на фронт в Молодечно, где нас прикомандировали к 1-му Сибирскому корпусу... После неудачных боев на фронте мой женский батальон вместе с юнкерами защищал в Петрограде Зимний дворец...».

Потом она возвратилась на родину, в Томск, к мужу, но не выдержала забвения и провинциальной обыденности, выехала через Владивосток в США, где ее встречали как героиню мировой войны восторженные американцы и их президент Вильсон. В Англии ее принял король. Бочкарева вновь почувствовала себя спасительницей России: «...большевиков я считала своими врагами и врагами Родины». Так новоявленная Жанна Д'Арк (Орлеанская дева) оказалась в Архангельске.

Командующий Северным фронтом генерал-лейтенант Марушевский вспоминал: «Г-

жа Бочкарева явилась ко мне в офицерских погонах и в форме кавказского образца. Ее сопровождал рослый бравый офицер, которого она представила мне как адъютанта. Нечего и говорить, что результатом этого визита был мой приказ о немедленном снятии военной формы с этой женщины и о назначении ее адъютанта в одну из рот в Пинеге».

Неизвестно, подчинился ли этому приказу «рослый бравый офицер-адъютант», но Бочкарева «...в июле 1919 года узнала из газет, что в Сибирь собирается экспедиция. Она доставит для армии Колчака пулеметы, снаряды, обмундирование. Капитан экспедиции — морской офицер Савицкий (*так в протоколе допроса — А.П.*), 10 августа 1919 года я с экспедицией капитана Савицкого покинула Архангельск на пароходе «Колгуев», помимо которого было еще семь пароходов. До устья Оби я пробыла в пути месяц с тремя днями. На устье Оби прошла выгрузка из пароходов экспедиции Савицкого на баржи полковника Котельникова оружия, обмундирования и снарядов. Здесь я пробыла две недели. Потом отправилась с экспедицией Котельникова на Тобольск. Когда экспедиция прибыла в город Березов, Котельников получил телеграмму, что Тобольск взят советскими войсками. Котельникову было приказано половину экспедиции направить на Красноярск и половину — на

Томск. Я поплыла на Томск. Прожила в Томске неделю и поехала в Омск. Там 10 ноября встретилась с Колчаком. Колчак предложил мне сформировать добровольческий женский санитарный отряд. Дал распоряжение выдать на формирование отряда 200 тыс. рублей. На довольствие мой отряд был зачислен к добровольческой дружине святого креста и зеленого знамени. 14 ноября я на подводах поехала в Новониколаевск. Потом вернулась в Томск. Когда в Томск пришла советская власть, я явилась к коменданту, сдала ему револьвер и сказала, кто я и что делала у белых. На Рождество в 2 часа ночи я была арестована, посажена в томскую тюрьму, позже меня перевели в Красноярск... От Николая II мной получено за боевое отличие 4-х степеней Георгиевские кресты и три медали: две серебряные и золотая «За усердие». За формирование женского ударного батальона смерти 1917 года была произведена в прапорщики, позже — за боевое отличие на фронте — в подпоручики, а за оборону боевого участка на фронте — в поручики».

Морская и речная экскурсия закончилась для нее резолюцией чекистов Павлуновского и Шимановского: «Бочкареву Марию Леонтьевну расстрелять. 15 мая 1920 года».

Следует отметить, что на речных судах Котельникова в устье Оби было доставле-

но около 500 тысяч пудов хлеба урожая 1919 года. Сюда же с уральских заводов привезли 28 тысяч пудов меди. Все это предусматривалось погрузить на морские суда для доставки в Англию: оружие и аммуницию Антанта поставляла сибирским белогвардейцам бесплатно.

Разгрузка судов в бухте Находка проходила медленно. Погода портилась. Англичане нервничали. Сообщения об активизации красных на тобольском направлении ускорили перегрузочный процесс. 20 сентября речной караван отправился вверх по Оби. Морские суда повернули обратно в Архангельск, куда они благополучно прибыли уже 28 сентября. 21 октября Котельников доложил Колчаку о завершении экспедиции. Но часть речных судов из-за раннего ледостава и эвакуационной неразберихи застряла на Оби возле села Тундрино Сургутского уезда и была разграблена красными.

Где бронепоезд не промчится

Главным транспортным средством в «затерянном мире» оставалась лошадь с подводой. После соединения фронтов из Усть-Цильмы за Урал был отправлен огромный обоз из 527 подвод за хлебом. 10 апреля 1919 года Печорская уездная земская управа телеграфировала в Омск (уезд перешел в его

подчинение): «В Печорском уезде хлеба совсем нет... От голода умерли сотни человек. Ели кошек, собак... Ляпинский хлеб единственная надежда. Просим не препятствовать в отпуске хлеба на Печору...».

30 апреля из Ляпино доносили, что из 527 подвод до места назначения доехали только около 200, поскольку «дожди испортили шугорскую дорогу». На Печору белые доставили лишь три тысячи пудов ляпинского хлеба. Для размола этого зерна в Усть-Шугоре на средства печорского земства была построена мельница.

Тогда же Печора обратилась за помощью в Архангельск и получила на пароходах около 250 тысяч пудов муки. Но голод продолжался. Поэтому ждали первых холодов, чтобы продолжить доставку хлеба из Ляпино.

Однако в мае 1919 года III Красная армия, получив значительное пополнение, начала контрнаступление на Восточном фронте. Колчаковцы сумели взять город Глазов, но это был их последний успех на северо-западном направлении. Сибирская армия белых стала отходить за Урал.

Находившийся в Троицко-Печорске Отдельный Сибирский Печорский полк белых получил приказ эвакуироваться по Сибиряковскому тракту в Ляпино. 4 июля командир этого полка капитан Атавин со-

общил генерал-майору Шапошникову: «Вследствие создавшейся обстановки на фронте мне с полком приказано выступить из Троицкого через Ляпино на соединение с Северным отрядом. Начальник Северного отряда приказал вам продолжать получение боевых запасов в Архангельске, организовав доставку грузов морским путем через Обь и на оленях в Обдорск».

Как вспоминали современники, уход колчаковцев из Коми края был совершенно внезапным. 6 июля Шапошников информировал Архангельск: «Причины отхода полка неизвестны». 11 июля архангельское командование ответило: «Передайте, не медля ни минуты, капитану Атавину, что удержание им района Щугор—Ляпино крайне необходимо». Но попытки удержать колчаковцев не увенчались успехом, и их позиции заняли части архангельской белой армии.

Эти события совпали с началом эвакуации войск Антанты с Севера России. Планировалось уже к октябрю вывезти в Европу все военное имущество и живую силу, в том числе и Северную добровольческую армию. 2 августа 1919 года Миллер телеграммой на имя Н.Н. Юденича делился своими планами продолжения борьбы с большевиками на Севере после ухода союзников: «По малочисленности и нравственному состоянию войск

после ухода англичан держать нынешний фронт не представляется возможным: с потерей веры у солдат в то, что мы сильнее большевиков и что своими силами можем хотя бы отстоять ныне занимаемую территорию, сразу возникает большое дезертирство для непосредственного спасения своего деревенского имущества. Перед правительством дилемма: или отстаиваться с офицерством и оставшимися верными долгу солдатами до крайнего истощения, в конце концов, в самом Архангельске, или заблаговременно отказаться от борьбы с большевиками в Северной области и перевести весь офицерский, до 9000 человек, и здоровый солдатский элемент, а также военное имущество на другой фронт, к Деникину, или даже, может быть, в Сибирь. Что выгоднее в общих целях? Я полагаю, если есть твердая уверенность, что власть большевиков будет сломлена до наступления зимы наступлением вашим, адмирала Колчака и Деникина и вследствие внутреннего разложения, то нам нужно оставаться здесь до последнего, дабы не дать им даром в последнюю минуту моральный успех, могущий благоприятно повлиять на действия на решающих фронтах».

Проводившееся в августе 1919 года в Архангельске земско-городское собрание высказалось за продолжение войны с больше-

виками на Севере, опираясь на собственные силы.

Последние корабли союзников оставили Архангельск 27 сентября 1919 года. Эвакуация войск Антанты сопровождалась массовым уничтожением военного имущества: сжигались аэропланы, портились бронепоезда и орудия, взрывались тонны снарядов и патронов. Десятки машин (в том числе «типа танк») были утоплены в реках и в море. Только продовольствие союзники передали населению Северной области. Объясняя причины массового уничтожения военного имущества, представители Антанты заявили, что не собираются вооружать Красную армию. По их мнению, падение Северной области было теперь только вопросом времени.

Между тем Северная добровольческая армия белых оставалась боеспособной. В сентябре 1919 года, когда на Восточном фронте колчаковцы оставили Тобольск (потом на время отбили), практически на всех участках Северного фронта белые предприняли ряд крупных наступательных операций и продвинулись к Вологде. Формировались добровольческие особые ударные отряды для действий на стратегических направлениях. И многим тогда поверилось в собственные силы белого Севера.

Путешествие натуралиста

В разгар этих событий 27 июня 1919 года в 11 часов вечера на земском пароходе «Станкевич» из Тобольска в Саранпауль отправился местный этнограф, ботаник и почвовед Г.М. Садовников.

Многие накопленные им научные материалы исчезли. И судьба самого исследователя края пока неизвестна: в 1921 году он пропал без вести. Но краевед Белобородов отыскал часть архива тобольского самородка Садовникова. Среди обнаруженных им документов оказался «Дневник экспедиции по р. Сосьве, Ляпину, Сёртынье, Манье и Щекурье 1919 года».

Известный тюменский издатель Ю.Л. Мандрика, опубликовавший этот «дневник» в своем региональном краеведческом журнале «Лукич» (август 2000 г.), считает, что Дмитриев-Садовников (он значился под двойной фамилией) в «экскурсии по Сосьве летом 1919 года не только ловил бабочек», но и вел разведку. Основанием для такого вывода послужили для наблюдательного Мандрики полустертые от времени записи на некоторых страницах дневника о структуре воинских подразделений («взвод», «отд.»), их количественном составе.

Дело даже не в зашифрованной специальной терминологии и не в том, на чьей, по

выражению Мандрики, «стороне ботаник ловил бабочек», а в удивительном совпадении времени и места для «экскурсии». Натуралист Садовников не только изучал флору и фауну «затерянного мира», но и оценивал противоборствующие в нем силы. Он выбирал: дожидаться красных или отступить с белыми. Но куда: с колчаковцами на северо-восток или к «чайковцам» на северо-запад? А может, создать на Тобольском Севере новое административно-территориальное образование, без грабежей и расстрелов? Отрывочные сведения об участии Садовникова в восстании 1921 года подтверждают предположения о его поисках «третьего» пути в революции. Дневниковые записи, несмотря на научно-познавательное содержание, выражают тревогу автора за судьбу края и его мирного населения.

Как профессионал я между строк узнаю коллегу, а то, что не каждый читатель определит в «дневнике» Садовникова разведывательный отчет, лишний раз подтверждает высокий уровень подготовки путешественника. Сейчас никого не удивляет, что Миклухо-Маклай, Семенов-Тяньшанский, Пржевальский, генерал Корнилов и другие русские первопроходцы и географы удачно совмещали познавательные и разведывательные способности. Да и есть ли между ними разница?

Думаю, что к «экскурсии на Сосьву» Садовникова подвинул председатель Тобольского губернского земского собрания Пигнатти. Историки удивляются странной, на их взгляд, политической пассивности губернского комиссара Пигнатти. В истории края он известен больше как краевед и организатор музейного дела.

В «дневнике» отмечено: «Станкевич» шел в Саранпауль. В нем нам (экспедиция из четырех человек) губернским земством были предоставлены бесплатно места первого класса и провоз грузов». Значит, к финансированию «экскурсии» Пигнатти имел самое непосредственное отношение. Считавшийся «социалистом», частный поверенный (адвокат) Пигнатти понимал: белым не удержать Тобольск, предстоит очередная смена власти. Военную диктатуру адмирала Колчака сменит «военный коммунизм» Ленина-Троцкого. Как говорится, «хрен редьки не слаще». А у однопартийца Чайковского, председателя Временного правительства Северной области, с которым Пигнатти состоял в переписке, можно было рассчитывать на радушный прием и на престижную должность.

Не остался в стороне от организации экспедиции и военный комендант Тобольска штабс-капитан Киселев. В сферу его пол-

номочий командующий 1-й Сибирской армией генерал-лейтенант Пепеляев включил Березовский уезд. Киселев уже прикидывал маршруты речных эвакуационных потоков, и его волновала сохранность реликвий и ценностей Сибирского белого движения. Киселев определил Садовникову разведывательное задание: военного коменданта Тобольска и уездов интересовало состояние коммуникаций, уровень воды в реках, температура воздуха, возможность обороны белых, настроение местного населения... В дневнике натуралиста есть ответы на все эти вопросы.

Еще одно совпадение. «...Пассажиров было много, — отметил Садовников, — особенно в III и II классах. С нами в первом классе ехали остяко-самоедский князь В.И. Тайшин, возвращающийся с губернского земского собрания, его толмач и Н. Кислицкий, вновь назначенный начальник березовской милиции...». Тот самый Кислицкий, начальник Тюменского уголовного розыска, арестованный матросами Запкуса 28 февраля 1918 года при налете на Тюмень и чудом избежавший расстрела. Начальнику милиции Березовского уезда еще предстояло сыграть важную роль в событиях в «затерянном мире».

29 июня Садовников был в Самарово, а через день — в Березове: «Березов весь высы-

пал встречать пароход. Пришла и администрация: управляющий уездом Берянинко, Ямзин, секретарь управляющего и др. Здесь мы узнали, что пароход по причине мелководья не пойдет в Саранпауль, а дойдет лишь до Сартыньи, находящейся верстах в 250 от Саранпауля. Дальше поедем в каюках (больших крытых лодках) за паровым земским катером. В Березове — тишина, потому ли, что народ на пристани, или потому, что тишина — особенность глухих городков Севера...».

Местные жители рассказали натуралисту-разведчику «...о боях белогвардейцев с красными в Саранпауле», передали, что «на Печоре сильный голод, мрут люди. Оставшиеся в живых постепенно переходят в Тобольскую губернию на Ляпин».

7 июля в Саранпауле сам увидел: «Много беженцев. Перед нами пришла партия человек в 50. Они много вытерпели дорогой: взявшиеся вести их проводники сбежали, оставив их на произвол судьбы. Через болота, речки и горы они на десятый день пришли в Саранпауль. Они шли голодные: за Уралом, по Печоре нет хлеба; взятых ими запасов хватило ненадолго, дорогою питались пучками (травянистые растения); последние три дня голодали; дорогою встретили самоедский чум, купили у них оленей и слегка оправились от голода. В Саранпауль едва пришли, схоро-

нив дорогою умершую от голода старуху. Часть беженцев гибнет дорогою от голода; иные доходят как тени, оборванные, голодные... Отлежавшись и подкрепившись, ходят по миру Христа ради...».

Было бы странным отсутствие интереса Садовникова к запасам хранившегося в Саранпауле ляпинского хлеба. Но хитрые зыряне сообщили ему неверные сведения, увеличив более чем вдвое размеры вывезенных красными за Урал муки и зерна.

14 июля Садовников встретил отступивший из Троицко-Печорска по Сибиряковскому тракту Отдельный Сибирский Печорский полк: «...Пришли лишь 200 человек, остальные зыряне не пошли и не отпускали этот отряд, состоящий исключительно из русских; зыряне были местные; они решили защищаться до последней возможности, если сюда наступят большевики. Утром пришли и остальные из отряда, уставшие, измученные, но веселые. Шли 16 дней; недостатку в провизии и в др., например табаке, не было. В отряде до 40 лошадей, много проводников-зырян. Мы пригласили к себе двух офицеров (Смирнов, др. не помню), напоили чаем и угостили вином, да еще и на отряд четверть, чему все несказанно были рады. Офицеры угостили нас папиросами, дали папиросной бумаги и $\frac{1}{4}$ хорошего табаку...».

Садовников умел расположить к себе собеседников: «По их сведениям, дела на фронте направляются. Приказ об отступлении им был отдан уже давно; не было необходимости отступать, но приходилось повиноваться... В Березов уже послан нарочный за пароходом (отряд следовал на Березов). Вся полученная Садовниковым информация соответствовала секретным документам; он как бы побывал незримо в штабах генералов Шапошникова и Марушевского.

21 июля офицеры и солдаты еще ждали пароход: новые знакомства, встречи, впечатления. «...Вечером заходили Канцельмахер и еще несколько офицеров — все из пулеметной команды. Разговаривали долго. В Березов поехали за пароходом помощник командира полка капитан Полуянов и прапорщик Шерман; с ними двое солдат... Отношение местного зырянского населения к отряду — чисто грабительское: дерут втридорога за всякую малость; были случаи, что за банный веник брали по рублю; молоко достают с трудом, несмотря на то, что отряд дисциплинирован, солдаты вежливы...».

Но Садовников не успел передать свои сведения о «затерянном мире» и его обитателях ни Пигнатти, ни Киселеву. Организаторы «экскурсии» не предполагали, что отход колчаковцев на восток превратится в бегство.

Возвращаясь из леса, путешественники встретили 15 августа «на правом берегу реки Ляпин несколько семей зырян. От них узнали, что война идет с прежним ожесточением, что большевиками взят Екатеринбург, что из-за Урала из Архангельска прибыли проездом в Омск по Аранецкой дороге представители Архангельского правительства, что по Оби приостановлено пассажирское движение, пароходы мобилизованы для военной надобности, и многое другое...».

Настроение у Садовникова портилось — заметно по тональности дневниковых записей: «Насчет войны передают нерадостные вещи: говорят, что красные чуть ли не заняли уже Тюмень; говорят о необходимости опять, как и зимою, прятать имущество по лесам и спастись самим».

В дневнике появились строки, не относящиеся ни к научной, ни к разведывательной деятельности: «...Мне было тепло, несмотря на легкую блузу и полумокрый брезентовый плащ: не догорала ли это жизнь, испуская последнюю накопившуюся в теле теплоту?».

Садовников еще встретится с Киселевым. В другое время и в другом месте. Они погибнут в бою с обдорскими чекистами, унеся с собой тайну сокровищ Сибирского белого движения.

Конец первой книги.

Оглавление

От автора	3
Об авторе	4
Пропавшие ордена	5
Призрак «золотого парохода»	10
Находка деда Василия	15
По «мифному» полю истории	19
<i>Приложение 1. «Золото — прах</i> <i>на подошвах истории»</i>	22
Заказная революция	25
«Любить героя из летного отряда...»	40
<i>Приложение 2. «Премьерские щи» (Из</i> <i>воспоминаний князя Г.Е. Львова)</i>	51
Тайны епископа Гермогена	56
Попы-заговорщики	56
Место ссылки — Тобольск	58
Заложники сепаратизма	61
Побег на Север	64
«Тили-тили тесто...»	67
Дети — гроза террористов	69
Продается царь	73
Сколько стоило освобождение	77
Утопление	83
Где золото?	89
<i>Приложение 3. Из выступления епископа</i> <i>Березовского Иринарха</i> <i>2 августа 1918 года</i>	96

Из послания архиепископов и членов Всероссийского Священного Собора епархий Сибирских и Приуралья — всем чадам православной церкви епархий, освобожденных от советской власти. 28.12.1918 г. /10.01.1919 г.	98
Тов. Юринс	100
Спецзаписка ПП ОГПУ по Уралу заместителю председателя ОГПУ т. Ягоде об изъятии царских ценностей в г. Тобольске	102
Березово: красная весна, белое лето	104
Горячие ссыльные парни	105
Показать характер	111
Бросай и беги	115
Сведение счетов	120
<i>Приложение 4. «Бунт» на пароходе «Пермяк»</i>	127
Северный завоз 1918 года	133
Затерянный мир	133
Две дороги	135
Чьи вы, хлопцы, будете, кто вас в бой ведет? ..	137
Охотники за черепами	139
«Печорский Чапаев»	140
Комиссар Мандельбаум и князь Вяземский ..	144
Малицы для гимназистов	147
Озверение	150
Аэропланы над Березовым	153
Война и любовь	159
Танки в Саранпауле	163
Где бронепоезд не промчится	169
Путешествие натуралиста	174

ПЕТРУШИН Александр Антонович

НА ЗАДВОРКАХ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Книга первая

Художник А.С. Кухтерин

Оператор ПЭВМ Н. Нохрина
Корректор Н. Тиунова

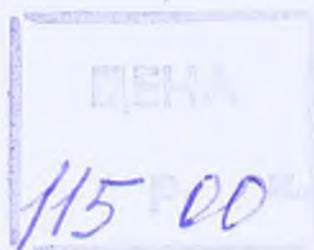
Подписано в печать 20.03.2003 г.
Формат 75х90/32. Гарнитура «Lazursky»
Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Усл.-печ. л. 8,12. Тираж 2000. Заказ № 814.

ООО «Издательство Юрия Мандрики»
Лицензия ИД № 06344 от 28.11.01 г.

Адрес для переписки: 625003,
г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru
<http://www.tmn.ru/~mandrika>

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

115p.

1242

